

Весеннее пробуждение

Автор:

[Т. Браун](#)

Весеннее пробуждение

Т. Дж. Браун

Аббатство Саммерсет #3

Сестры Ровена и Виктория Бакстон, а также Пруденс Тэйт, выращенная их отцом как родная дочь, пытаются найти свое место в эдвардианской Англии в годы, когда разразилась Первая мировая война, разрушившая их мир.

Ровена становится одной из первых женщин-пилотов и участвует в рискованных боевых вылетах. Встреча с бывшим возлюбленным, тоже пилотом, заставляет Ровену задуматься о своей помолвке с Себастьяном. Виктория в качестве сестры милосердия отправляется в зону боевых действий во Франции и только там понимает, что совершила ужасную ошибку, отказав Киту, который любил ее и которого она тоже любит. А Пруденс, когда ее муж Эндрю отправляется на фронт, обнаруживает, что носит их первенца.

Героини оказываются лицом к лицу с испытаниями, их судьбы меняются, когда война переворачивает с ног на голову все, что они знали о жизни... и любви.

Впервые на русском языке!

Т. Дж. Браун

Аббатство Саммерсет. Книга 3. Весеннее пробуждение

© И. Колесникова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Я посвящаю эту книгу своей матери Кэрол М. Форман.

Спасибо, что всегда поддерживала меня

Глава первая

Возможно, кому-нибудь еще это место показалось бы островком безмятежности, если не райского блаженства, но Ровена ощущала только пропитанное грустью равнодушие.

Мелодичные трели текущего поблизости ручейка нарушались лишь смехом друзей. Стаффолк переливался сочной июльской зеленью, щедро разбавленной желтыми и розовыми вкраплениями полевых цветов. Ровена сидела в одиночестве на низкой каменной стене и наблюдала, как Каверзный комитет наслаждается импровизированным пикником вдали от глаз и ушей жадных до

сплетен светских матрон.

Прикрывшись от солнца белыми кружевными зонтиками, девушки в платьях пастельных тонов, отделанных кисеей, неторопливо прохаживались среди молодых людей в летних костюмах и соломенных шляпах. Время от времени налетал легкий бриз, развеивал ленты и ворошил цветы на кокетливых шляпках, но ничего не мог поделать со звенящей, как стая докучливых пчел, жарой. В детстве Ровена любила навещать аббатство и до сих пор дорожила воспоминаниями о тех днях. Правда, в них не было места легкому флирту, крепким напиткам и дорогим турецким сигаретам – со всем этим девушка познакомилась совсем недавно. Возможно, старшее поколение просто лучше умело скрывать свои грехи или же Ровена, охваченная детским восторгом, ничего не замечала.

– Как думаешь, он когда-нибудь сумеет завоевать ее сердце? – раздался над ухом голос Себастьяна.

Девушка вздрогнула и чуть не свалилась со стены, так что ему пришлось придержать ее за талию.

– Кто? А-а, ты о Ките и Виктории?

Она повернулась к сестре. Та сидела под раскидистым буком, прислонившись спиной к стволу, и раскладывала растения по кучкам, а рядом Кит читал вслух последний роман Э. М. Форстера. Темная голова молодого лорда склонилась к светлым волосам девушки. Без сомнения, Виктория сортировала только что собранные травы, а Кит упрямо надеялся, что его преданность все-таки принесет плоды, когда он в очередной раз попросит руки младшей сестры Бакстон.

– Бедняга. Ее сердце давно принадлежит ему, вот только руку она отдавать не согласна.

– А как насчет твоего сердца? – Взгляд Себастьяна внезапно посерьезнел.

Ровена повернула голову к жениху:

– Мое сердце принадлежит только мне.

– Вот как? – небрежно переспросил он.

Девушка немного покрутила в пальцах бокал, прежде чем допить шампанское.

– Конечно, дорогой. А свою руку я отдаю тебе, так что все хорошо.

Не обращая внимания на кольнувшую в груди боль, Ровена усилием воли заставила себя не думать о бывшем возлюбленном.

Она высоко подняла бокал, делая знак слуге, который стоял навытяжку возле столика на колесиках. В мгновение ока тот виртуозно подхватил охлаждавшуюся в ручье бутылку и подошел к ним.

– А вам, сэръ? – спросил слуга Себастьяна после того, как долил девушке шампанского.

Ровена обратила внимание на белые перчатки лакея и нахмурилась. Что за глупость носить в такую жару перчатки, да еще на пикнике. Вышколенный слуга не поднимал глаз от земли, и девушке вдруг стало любопытно, как его зовут. Как и множество других слуг в этом огромном поместье, он оставался лишь безымянным исполнителем воли хозяев. Ей вспомнился их старый дом в Лондоне, где прислугу считали уважаемой частью семьи. Возможно, когда Ровена станет хозяйкой Эддельсон-Холла, ей удастся возродить прежние отношения.

Себастьян помахал фляжкой:

– Нет, благодарю. У меня все есть.

– Как прикажете, сэръ.

Слуга отошел, и молодой человек обратился к невесте:

– Кит очень упрям.

К большой радости девушки, Себастьян вернулся к обсуждению чувств лучшего друга и Виктории. В последнее время Ровена замечала, что он всячески пытается добиться ее расположения, хотя она пока не чувствовала себя готовой к новому роману. Их помолвка не была залогом вспыхнувшей любви, а состоялась скорее из соображений удобства: оба страдали от разбитого сердца и не хотели снова рисковать. Между молодыми людьми давно сложились теплые отношения, и Ровена готовилась к браку, скрепленному взаимным уважением и дружбой. Почему Себастьян внезапно начал настаивать на большем? Девушка не могла отрицать, что ей приятно ощущать его присутствие рядом, она даже испытывала сильное волнение, когда он касался ее. Однако именно это и беспокоило Ровену. Отчего прикосновения чужого мужчины так будоражат ее, если сердце всецело принадлежит другому?

Вскоре размышления утомили Ровену. Она спрыгнула со стены и крикнула остальным:

– Давайте сыграем в крикет?

Аннализа, жизнерадостная молодая шатенка с темными глазами, со стоном приподняла голову с кипы мягких подушек:

– И что вы за люди, Бакстоны. Никак не найдете себе покоя. Вам постоянно надо что-то делать.

– Безделье – мать пороков, – съязвила Виктория.

На удивление, кузина Элейн с готовностью вскочила:

– Потому что мы терпеть не можем скучать. Правда, Колин?

Девушка посмотрела на брата, но тот не двинулся с места.

Ровена знала, что Колин не шелохнется, пока ему открывается отличный вид на декольте Аннализы.

– Ой, да будет вам. Не так уж и жарко, к тому же у нас предостаточно холодной воды. Нельзя быть такими лентяями!

Слуга принес необходимое снаряжение, и на полянке вспыхнул добродушный спор, пока молодежь делилась на команды. Хотя в последнее время Виктория чувствовала себя намного лучше и приступы астмы случались крайне редко, врачи по-прежнему категорически запрещали ей даже думать о спорте. Поэтому младшую барышню Бакстон единогласно выбрали в судьи.

Несмотря на препирательства, жару и недостаток игроков – всего семеро в каждой команде, – играли они с удивительным рвением. Ничего странного, думала Ровена в ожидании своего удара. Кроме хождения в школу и беспрестанных игр, ничем другим они никогда не занимались. Именно так протекала жизнь высшего света.

Девушка бросила взгляд на безоблачное небо. Даже сейчас она тосковала по своему аэроплану. Только полеты помогали ей забыть о разбитом сердце, несправедливости этого мира и глубоком горе. Только в воздухе она чувствовала себя счастливой. Но сейчас подарок дяди, биплан «Виккерс», находился почти в дне пути на юго-запад отсюда. Поскольку Ровена была одной из немногих английских женщин, удостоенных летной лицензии, дядя уже не раз спрашивал ее, почему она не перегонит самолет в Саммерсет, где его можно будет держать в сарае, который мистер Диркс использовал для своих экспериментальных моделей. Но она не находила в себе сил сказать графу правду.

Она боялась случайной встречи с Джонатоном.

– Ровена! Твоя очередь! – крикнул Колин.

Боковой разрез на муслиновой юбке облегчал движения, но бегать все же было затруднительно. Старшая сестра Бакстон любила спорт и даже кое в чем преуспела. Родись она в другой семье, возможно, ей бы даже довелось играть в профессиональной команде. Но девушки из высшего света не занимались командным спортом. К тому же Ровене намного больше нравилось летать, чем бегать за мячами.

Она с треском ударила по мячу. За спиной радостно закричали Виктория и Элейн. Подхватив юбку, Ровена изо всех сил бросилась бежать, пока Себастьян, Кит и Дафна искали мяч в густой высокой траве. Она обежала поле дважды, прежде чем Кит признал поражение.

– Победа, как ни смотри! – закричала Виктория, подпрыгивая на месте от возбуждения.

– Не может быть, – запротестовал какой-то симпатичный молодой человек, которого Ровена плохо помнила. – Было совсем мало пробежек.

– О, научись проигрывать, Эдвард, – процедила уголком рта леди Диана.

За леди Дианой прочно закрепилась слава самой красивой и склонной к авантюрам девушки комитета, хотя небольшая группка оппозиции считала Ровену намного интереснее.

– Ты похож на драчливого кота.

Эдвард ухмыльнулся:

– Но, как и Коту в сапогах, моя состязательная натура сослужила мне хорошую службу. Благодаря ей я осмелился ухаживать за столь красивой девушкой, моя дорогая, безупречно воспитанная леди.

Диана гордо качнула головой, и Ровена невольно улыбнулась.

Комитет в полном составе сгрудился вокруг Виктории, и младшая сестра Бакстон уверенно закивала:

– Команда Ровены выиграла. Вот, смотрите, я вела счет.

Эдвард шутливо отмахнулся от листка с таблицей:

– И почему я должен верить на слово арестантке?

Ровена замерла. Секунду никто не шевелился, и вдруг Кит размахнулся и с громким хлопком ударил молодого человека в челюсть. Эдвард отлетел назад, врезался в Ровену и сбил девушку на землю.

– Ну и дела! – пробормотал он, лежа на траве в нескольких футах от Ровены, которая потрясенно смотрела на перекошенное лицо Кита и его сжатый кулак.

Виктория ухватила друга за руку:

– Да что с тобой такое? Он же пошутил! Эдвард всегда меня так называет. Зачем ты ведешь себя как дикарь?

Все снова замолчали. Виктория опустилась на колени рядом с Эдвардом, и Ровена тут же увидела боль в глазах Кита. Сердце девушки сжалось.

– Как ты?

С каменным лицом Кит протянул Эдварду руку:

– Извини, дружище. Кажется, я немного погорячился.

Эдвард задумчиво потер щеку:

– Ничего страшного. Я даже люблю, когда время от времени меня бьют в челюсть.

Виктория резко поднялась на ноги и сердито уставилась на Кита.

– «Они несут несправедливость, но я негодую напрасно. Все равно страдание им неведомо», – сказала она.

– Что-что? – заморгала Элейн.

– Это из писем Джейн Остин, – пояснила девушка. – Очень подходит.

Ровена рассмеялась от облегчения. На миг она испугалась, что из-за сестры вот-вот разразится драка. Остальные с готовностью заулыбались, напряжение спало.

Себастьян помог девушке подняться на ноги и ревниво обнял за талию, но вскоре она отодвинулась, жалуясь на жару и головную боль. Впрочем, головная боль не помешала ей тут же с усердием начать собирать вещи на поляне. Интересно, как долго еще ей удастся избегать знаков внимания жениха?

* * *

Виктория переодевалась к вечеру с тем равнодушием, которое наступает, когда часто повторяешь одно и то же. В салоне готовились к приему, для развлечения гостей тетя Шарлотта даже специально выписала из Лондона квартет музыкантов. Поздний ужин грозил затянуться надолго, и потом их еще ждала традиционная партия в бридж или вист в гостиной.

Как правило, члены комитета под тем или иным предлогом умоляли освободить их от карточных игр, предпочитая находить собственные развлечения, но в последнее время в дело начали вмешиваться многочисленные родственники. Они настаивали, чтобы молодежь заняла полагающееся им по праву рождения место в обществе.

Виктория с досадой швырнула на туалетный столик нитку жемчуга.

Ее любимая бело-голубая спальня становилась слишком тесной. Дядя, граф Саммерсет, обещал, что девушка сможет вернуться в Лондон, как только поправится. Виктория наклонилась к зеркалу и стала внимательно разглядывать свое отражение. После выхода из тюрьмы лицо уже заметно округлилось. Конечно, ей никогда не сравниться с Элейн или Ровеной, которые так и пышут здоровьем, но благодаря пудингам Стряпухи и снадобьям няни Айрис Виктория чувствовала себя намного лучше. К тому же она всегда отличалась бледностью и хрупким сложением, и никакие ухищрения не могли этого изменить. Да, надо сегодня же напомнить дяде о его обещании.

Принятое решение придало сил, и девушка уверенно потянулась за жемчугом.

– Чудесно выглядишь, куколка. Ты уже готова?

В зеркале появилось отражение кузины; в розовом шелковом платье с короткими кружевными рукавами выглядела она просто обворожительно. Комитет обожал

веселую голубоглазую шатенку, а вот родная мать, графиня Саммерсет, вспоминала о ней лишь мимоходом. Все детство Элейн пыталась завоевать внимание этой строгой женщины и постоянно попадала впросак. Забавно, что всего за год, проведенный вдали от дома, в швейцарском пансионе для благородных девиц, кузина сумела так расцвести.

– Сейчас спущусь.

Виктория никак не могла справиться с застежкой жемчужного ожерелья, и Элейн пришлось вмешаться. Она откинула светлые волосы младшей кузины и ловким движением защелкнула замочек.

– Чудесное платье. Одно из тех, что мы заказывали до...

– До того, как я попала в замок Хэллоуэй? – Виктория встретила в зеркале взглядом с двоюродной сестрой. – Мы его так называли. Замок на холме.

Элейн отвела глаза, и девушка со вздохом встала со стула.

– Знаешь, я не стыжусь того, что побывала в тюрьме. Многие отважные женщины в свое время были заточены в замке Хэллоуэй за веру в равноправие. Мне стыдно лишь за то, что я попала туда по собственной глупости. Храбрость тут совершенно ни при чем. Меня провели как ребенка, и все мои подвиги сводятся к тому, что я оказалась не в том месте и не в то время.

– Мне так жаль, – растерянно выдавила Элейн.

– Не стоит. – Виктория с деланным весельем вскинула подбородок. – Ведь благодаря проведенному в тюрьме времени я могу наизусть цитировать труды Эдгара По и Уолта Уитмена. Хочешь послушать?

– В другой раз, – засмеялась кузина, наклоняясь к зеркалу и поправляя непослушный локон возле изящного ушка. – А что у вас с Китом?

Виктория невольно дернула рукой, и жемчужный браслет, который она как раз застегивала на запястье, полетел на пол. Она наклонилась, избегая встречаться с Элейн взглядом.

– О чем ты?

– Будет тебе, кузина, – улыбнулась та. – Все видят, что он с ума по тебе сходит. Не забывай – мы с Китом знакомы чуть ли не с младенчества, и я ни разу не видела, чтобы он терял голову от любви. Вы оба сколько угодно можете твердить, что между вами ничего, кроме дружбы, нет, но нам-то виднее.

У Виктории запылали щеки. Еще не хватало стать предметом досужих разговоров. Будто тюремное заключение недостаточно пикантная тема. К тому же, хотя отношения с Китом то и дело ставили ее в тупик, это никого не касалось. Порой девушка жалела, что ей не с кем поделиться своим смятением, но старшая сестра была занята собственным разбитым сердцем и мечтами о полетах, а Пруденс теперь жила в Лондоне.

Элейн ласково тронула кузину за плечо:

– Не волнуйся. Никто о вас не говорит. Только те, кто любит и переживает за вас обоих. Честно, я тебя не обманываю. Можешь мне поверить.

Глаза Виктории заблестели от слез, и она порывисто обняла двоюродную сестру.

– Не знаю, что с ним делать, – всхлипывая, призналась Виктория. – Он хочет жениться на мне. Пока Кит упоминает о свадьбе только в шутку, чтобы подразнить меня. Но я думаю, намерения у него серьезные, и в последнее время он заводит эти разговоры все чаще и чаще.

– Разве ты не любишь его?

– Конечно люблю, но любовь здесь совершенно ни при чем! – Оглянувшись вокруг в поисках чего-нибудь, на чем можно было бы выместить злость, Виктория заметила табурет для ног и от души пнула его, ойкнув от боли.

Элейн молча вскинула бровь и невозмутимо нагнулась, чтобы поправить поверженный табурет.

– А я думала, что именно любовь всему причиной.

Виктория доковыляла до большого кресла с высокой спинкой и рухнула в него.

– Черт возьми! Я не о том говорю.

– Тогда о чем, милая? – Кузина придвинула табурет и уселась напротив.

Тронутая нежностью в ее голосе, Виктория сделала глубокий вдох, успокоилась и принялась объяснять:

– Я не знаю, люблю ли я его именно в этом смысле. Да, мне нравится проводить с ним время, но ведь и с тобой мне нравится проводить время, и с Колином. И при этом я совершенно точно не собираюсь за вас замуж. Когда его нет рядом, я скучаю по нему, но по отцу я тоже скучаю. Ты понимаешь, что все это значит? – (Элейн покачала головой, и локоны заплясали вокруг ее милого лица.) – А я понимаю, – сказала Виктория, подавшись вперед. – Я не создана для семейной жизни, не то что другие девушки. Я всегда от них отличалась. Даже в детстве не мечтала о свадьбе и детях. Мне хочется сделать что-то важное. Путешествовать, знакомиться с разными людьми, пережить приключения. Изменить мир. Оставить после себя след.

– И ты думаешь, Кит тебе помешает?

– Сейчас с Китом весело, но после свадьбы он переменится, как и все мужчины. Ему захочется завести детей, а какие приключения меня ждут с горой пеленок и свитой нянек?

Элейн сморщила нос:

– Не думаю, что Кит сильно изменится.

Виктория фыркнула и поднялась:

– Ничего ты не знаешь. Когда мы познакомились, он был ярым противником брака, как и я. А сейчас только и твердит о женитьбе. Как вообще ему доверять? Изворотливый мерзавец.

Элейн тоже встала и взяла девушку под руку:

– Поверь, дорогая кузина, я тоже настроена против свадьбы, хотя и по другим причинам. Зато мы сможем на пару остаться старыми девами.

Выговорившись, Виктория почувствовала себя гораздо свободнее.

– А ты почему не хочешь замуж? – спросила она в коридоре, со стен которого неодобрительно смотрели портреты предков.

Кузина небрежно помахала рукой:

– Долгая история, куколка. Напомни о ней, когда посеем и состаримся. Просто знай, что я на твоей стороне.

Девушки со смехом вошли в гостиную на первом этаже. Притихший комитет благочинно прохаживался в окружении своих богатых родственников, которые зорко следили за молодыми людьми. Большинство членов этого необычного маленького клуба были наследниками неплохого состояния, но, поскольку всем им было еще далеко до тридцати лет, приходилось зависеть от доброй воли родителей и выдаваемого годового пансиона. Предоставленная самой себе, молодежь вела себя шумно и вызывающе, но в присутствии старших блюла приличия.

При виде девушек Эдвард поднял бокал в шутливом приветствии. Виктория хорошо к нему относилась. Молодой человек обладал приятной внешностью, умом и, что самое главное, выбрал себе другой предмет для обожания. В компании Эдварда она чувствовала себя легко и непринужденно, не то что с Китом. Тот каждый день становился все загадочнее.

– Добрый вечер, дядя. Добрый вечер, тетя. Выглядите сегодня потрясающе.

Как всегда, Виктория с трудом подавила желание присесть перед графиней Саммерсет в реверансе, как на приеме у королевы. От сдерживаемого усилия приветствие вышло неприлично живым, чего девушка никогда не позволила бы себе в присутствии любой другой высокопоставленной дамы. Она с детства побаивалась тетю Шарлотту, а младшей сестре Бакстон не нравилось, когда кто-то внушал ей страх. Хотя Виктория прекрасно понимала, что не стоит лишний раз злить графиню, она ничего не могла поделать с прорывающейся в каждом

разговоре дерзостью.

Тетя подставила щеку, и девушка послушно наградила ее поцелуем.

– Значит, вот как ты разговаривала с надзирательницей, дорогуша? – шепотом поинтересовалась графиня, когда племянница наклонилась поближе.

Виктория на миг замерла, но тут же справилась с собой и ответила:

– Нет, тетушка, так я обращаюсь только к вам.

Девушка выпрямилась, и леди Шарлотта одарила ее очаровательной улыбкой. Те, кто плохо знал величественную даму, сочли бы эту улыбку искренней. Но близкие были прекрасно осведомлены, что на это могут претендовать лишь муж и сын графини.

– Как мне повезло, – протянула тетя Шарлотта, в глазах которой плескался смех.

Виктория смешалась, торопливо коснулась губами дядиной щеки и отошла к камину, где уже сгрудилась большая часть комитета.

– А где Ровена? – Виктория огляделась в поисках сестры.

– У нее разболелась голова, – ответил Себастьян. – Она решила остаться у себя.

– Если бы я выпила пять бокалов шампанского, а потом принялась бегать по жаре как безумная, у меня бы тоже болела голова, – ухмыльнулась Аннализа.

Младшая барышня Бакстон нахмурилась. У Ровены имелись веские причины топить горе в вине.

– Что ж, рад за нее, – буркнул Кит и залпом осушил бокал. – Надо же что-то делать, чтобы притупить скуку.

– Если тут так скучно, зачем ты вообще сюда приезжаешь? – вспыхнула Виктория.

– Я порой сам задаюсь этим вопросом, – огрызнулся молодой человек.

Девушка уязвленно вскинула голову, встретила взглядом с его умными голубыми глазами, но тут же стряхнула нахлынувшие теплые чувства.

– Мне бы тоже хотелось узнать на него ответ.

– Хватит уже. Прекратите, оба, – вмешался Колин. – Ваши ссоры начинают приедаться, а у нас есть... намного более интересные темы для разговора.

Виктория сделала глубокий вдох и выдох:

– Какие же, дорогой кузен?

– Например, как вам известие, что я поступил в армию? – тихо ответил Колин.

Рядом ахнула Элейн, и Виктория не могла поверить, что все вокруг по-прежнему пьют чай и делятся свежими сплетнями, будто кузен сообщил о какой-то будничной вещи.

– Мать тебя убьет, – категорически заявила Элейн.

Не говоря о том, как воспримет такую новость граф Саммерсет. Впрочем, каждый знал, что, хотя отец Колина порой и мог быть черствым и холодным человеком, опасаться стоило именно леди Саммерсет, ведь одного ее осуждающего взгляда хватило бы, чтобы провинившийся тут же пожалел о своем появлении на свет.

– Как только тебе такое в голову взбрело? – возмутился Кит.

Колин бросил предостерегающий взгляд на вдовствующую графиню Кентскую, которая как раз проходила неподалеку. Молодые люди замерли и разом заулыбались, отчего брови достойной дамы взлетели к старомодному кружевному чепчику, украшающему ее седую голову.

– Прекрасный день, не правда ли, леди Бэрримор? – невинно спросила Виктория. – Совсем как в «Маленькой рыжей курочке».

Выцветшие глаза пожилой графини недоуменно заморгали.

– Вы не в своем уме, дитя мое, – только и сказала она.

– «Все мы тут не в своем уме. Я не в своем уме... Ты не в своем уме...»

– «Откуда вы знаете, что я не в своем уме?» – обиженно переспросил Кит.

– «Конечно не в своем. Иначе как бы ты тут оказался?» – закончила Виктория цитату из самой любимой книги.

Видимо, леди Бэрримор не читала Льюиса Кэрролла, поскольку покачала головой и направилась прочь, цокая языком.

– Зануда, – захихикала Аннализа.

– Что за манеры, – нахмурился Эдвард. – Моя матушка всегда говорила, что вдова Бэрримор – образец добродетели и мы ее недостойны.

– Прекратите дурачиться! – оборвала их Элейн. – Я хочу знать, зачем мой родной брат совершил настолько... абсурдный поступок. Отец тебя убьет. Он так ждал, когда ты окончишь университет и приступишь к управлению имением.

Викторию поразило, как преобразилась обычно шаловливая кузина – в голубых глазах не было и намека на озорное веселье.

– Возможно, поэтому я и принял такое решение, – пожал плечами Колин. – Стоило лишь представить, сколько лет мне придется разыгрывать из себя примерного помещика и какая скука ждет меня впереди, пока все друзья будут преспокойно продолжать веселиться.

– Черт побери, Колин, в армию идут не за весельем! – воскликнул Себастьян.

Виктория покачала головой:

– Когда ты собираешься рассказать дяде и тете? Потому что я хочу вернуться в Лондон до того, как состоится разговор.

– И меня с собой прихвати, – пробурчала Элейн.

– Вы слишком переживаете, юные леди, – отмахнулся Колин. – Поначалу родители, конечно, поднимут шум, но я не сомневаюсь, что со временем смирятся. Я же не на фронт ухожу.

– Придется, если немцы не остановятся, – проворчал Себастьян.

– Так далеко не зайдет, – пренебрежительно махнула рукой Виктория. – В конце концов, кайзера связывают с королевской семьей родственные узы.

Дворецкий объявил, что ужин подан. Леди и джентльмены разбились по парам в точном соответствии со списком и прошествовали к столу.

Викторию так часто усаживали в пару с Китом, что девушка немало удивилась, когда по дороге к столовой ее перехватила тетя Шарлотта.

– Прости, милочка, но, поскольку Ровена будет ужинать у себя, мне пришлось немного перетасовать порядок мест. Виктория, ты сядешь с Колином. Кит, будь добр, проводи к столу Аннализу.

– Наконец-то мне повезло, – галантно заявил Колин, подавая спутнице руку. – Прошу вас, кузина.

Красиво очерченные брови Кита нахмурились, но молодой человек тут же небрежно передернул плечами:

– На самом деле это мне повезло. Берегись ее языка, старина Колин. Он острый как бритва.

Виктория дождалась, пока тетя Шарлотта перейдет к другим гостям, и показала ему язык. Кит подмигнул, и девушка не смогла удержать улыбку. Все-таки Кит – отличный друг. Если бы он только перестал забивать себе голову этими глупостями с женитьбой.

– Ты и правда думаешь, что им сильно не понравится? – с тревогой спросил Колин, понизив голос.

Виктории не потребовалось переспрашивать, кого имеет в виду кузен.

– Ты же посещал офицерский корпус, пока учился в университете? И они не возражали.

– Каждый юноша из хорошей семьи проходит через офицерский корпус. Так принято. Но это не означает, что родители хотели сделать из меня настоящего офицера.

Девушка попыталась выдавить утешительную улыбку. Пара дождалась своей очереди и вошла в просторную парадную столовую с длинным, сверкающим полировкой столом из красного дерева. На самом деле он состоял из нескольких столов, составленных вместе. По напряженной посадке плеч и головы Виктория видела, что Колина тяготит его секрет. Она вдруг вспомнила, как в детстве он любил разжигать любопытство младшей сестренки. Порой дело доходило до слез.

– Не переживай. Уверена, дядя и тетя разумно отнесутся к твоему решению.

Но хотя девушка постаралась придать голосу убежденности, ни Колин, ни она сама не поверили ободряющим словам.

Глава вторая

Ровена не отрываясь смотрела в мансардное окно своей спальни. Горящие в особняке огни пятнами выплескивались в сад. Должно быть, комитет сумел избежать пытки карточными играми: из бильярдной доносились отголоски неприлично громкого веселья.

Чуть ранее в открытые окна залетала музыка, и чудесные классические мелодии имели мало общего с теми звуками, что издавал сейчас граммофон.

Первобытные ритмы рэгтайма наполняли девушку беспокойством, у нее начинало ныть сердце и тянуло в животе. Музыка заставляла вспомнить о часах, проведенных украдкой в лондонской гостинице с мужчиной – с тем, с кем она не могла быть вместе и которого не могла забыть.

И без того теплая комната стала невыносимо душной, а вкрадчивая темнота саммерсетских парков манила прохладой. Ровена накинула легкий пеньюар, затянув ленточку на воротнике, и прошлепала босиком к двери. Убедилась, что горизонт чист, и проворным призраком, с колотящимся сердцем, проскочила полутемный, пустой коридор. Она не чувствовала подобной свободы с тех пор, как в последний раз поднималась в небо на своем аэроплане. Ровена прошмыгнула через зимний сад и в развевающемся пеньюаре побежала по лужайке.

Она миновала розовый сад, который ее отец обустроивал еще юношей, и проскользнула через щель в изгороди, что отделяла огород и клумбы, где срезали цветы для украшения дома. Оказавшись за пределами видимости из окон особняка, Ровена замедлила шаг и перевела дыхание. Поросшая травой тропинка бархатом ласкала босые ступни, в воздухе висел пряный аромат цветов. Девушка пошла по тропке мимо обширного огорода, где выращивали свежие овощи, подаваемые к столу обитателей аббатства Саммерсет.

Затем она повернула направо, к заросшему лилиями пруду. После захода солнца лягушки осмелели и вовсю распевали гимн теплым денькам. Ровена присела на невысокий бережок и стала смотреть на чернильно-черную воду с танцующими лунными бликами. Ее охватило небывалое умиротворение.

Вскоре она замерзла. Пришлось поджать под себя ноги, закутать их ночной сорочкой и плотно обхватить руками колени. Ровена упорно гнала из головы мысли о Джонатоне и, чтобы отвлечься, принялась думать о Себастьяне. До свадьбы оставалось всего несколько недель. Изначально жених назначил знаменательный день на первое июля, но затем торжества перенесли на середину сентября, чтобы Виктория, которая должна была стать подружкой невесты, успела окончательно поправиться.

Ровена избегала мыслей о свадьбе, хотя все вокруг только о ней и говорили. Чтобы не участвовать в разговорах, она придумала неплохую тактику: смотреть в пространство, словно думая о чем-то важном, и соглашаться со всем сказанным невнятным «mmm». К сожалению, в результате оказалось, что в

волосы невесты будут вплетены оранжевые цветы вместо излюбленных отцом лилий, сопровождать ее будут шесть подружек, а не три, а главным блюдом праздничного ужина станет запеченная в тесте говядина, хотя молодая пара предпочитала куропаток.

Девушка позволила предсвадебной суматохе идти своим чередом и плыла по течению. Чем меньше она думала о браке, тем менее реальным он ей казался. Сейчас же Ровена, наоборот, заострила на нем внимание. Не на самой свадьбе, нет. Церемония ее не беспокоила. Старшей сестре Бакстон требовалось серьезно подумать о жизни в замужестве.

С Себастьяном. Никоим образом не с Джонатоном. В груди всколыхнулась боль, и Ровена сжала кулаки. Да, с Себастьяном. Она прогнала образ пилота из головы и сосредоточилась на женихе. Лорде Биллингсли, красивом и добросердечном. Когда до тети дошли слухи о непристойном поведении племянницы на людях, по описанию молодого человека графиня приняла его за Себастьяна. Тот галантно согласился разыграть фальшивую помолвку, чтобы спасти репутацию девушки. Порядочный человек, и сам страдающий от разбитого сердца, так что, когда он предложил сделать помолвку настоящей, Ровена не нашла повода для отказа. В конце концов, Джонатон уже не вернется. Дядя Конрад в свое время обманом отнял у Уэллсов кусок земли, что повлекло за собой череду событий, которые привели к смерти отца семейства. Джонатон не смог свыкнуться с мыслью, что его возлюбленная носит фамилию Бакстон.

Соглашаясь на помолвку, девушка не думала, что ей придется отдаваться Себастьяну так, как она в порыве чувств отдалась Джонатону. Сможет ли она исполнить супружеский долг?

Теплый ветерок играл ее волосами, и Ровена прикрыла глаза, представляя, на что будет похож поцелуй с Себастьяном.

– Ровена, – тихо окликнул ее мужской голос.

Она вздрогнула и оглянулась, залившись краской. Перед ней стоял Себастьян собственной персоной, как будто ее мысли чудесным образом вызвали его из воздуха.

– Ты меня напугал!

– Прости. – Молодой человек присел рядом на скамью. – Я не знал, как еще сообщить о своем присутствии и не встревожить тебя.

– Ничего.

Ровена понимала, что следует стыдиться, ведь она была наедине с мужчиной, в одной ночной сорочке и полупрозрачном пеньюаре, но стыда не испытывала. Она также понимала, что следует избегать оставаться наедине с женихом перед свадьбой. С другой стороны, какая разница. Эта ночь создана для любви, а ее возлюбленный далеко отсюда. Рядом с ней мужчина, с которым ее скоро свяжут брачные узы, и надо примириться с этой мыслью раз и навсегда.

Но что, если она не сможет вынести физической близости с мужем? Что тогда будет с их браком? Разве не лучше найти ответ до официальной церемонии? Ее начала бить нервная дрожь. Конечно, надо проверить сейчас.

– Чудесная ночь, – вслух сказала Ровена. – Трудно поверить, что так быстро пролетает лето.

– Зато у нас выдалась интересная весна, – произнес Себастьян ровным голосом, и она никак не могла угадать, о чем он думает.

Девушка отпустила колени и повернулась, разглядывая в темноте его профиль. Как и у нее, за плечами Себастьяна Биллингсли стояли сотни лет безупречной, тщательно оберегаемой породы. В отличие от некоторых молодых лордов их поколения, черты его лица были идеально правильными и имели какую-то особенную силу. Волевая линия подбородка, прямой нос, ровные белые зубы. Темные волосы, темные глаза, отражающие лунные блики.

Себастьян повернулся, и она улыбнулась, решительно придвигаясь к нему. Глаза молодого человека удивленно распахнулись, но он не сказал ни слова. Ровена прижалась к нему, и он обнял ее за плечи.

Несмотря на новизну и странность прикосновений другого мужчины, близость оказалась приятной. Девушка положила голову ему на плечо и почувствовала, как Себастьян крепче прижал ее к себе. Она не ощущала щемящей страсти, как с Джонатоном, но все равно по телу волнами разливалось тепло.

На миг Ровена прикрыла глаза, потом собралась с духом и приподняла лицо, ища его взгляда. Себастьян смотрел на нее сверху вниз, его красиво очерченные губы улыбались.

– Осенью мы поженимся, – дрожащим голосом заявила в свое оправдание девушка. Прочистила горло и твердо напомнила себе: «Не отступать!»

Себастьян кивнул, но даже в слабом свете луны она заметила, что на его лицо набежала тень задумчивости.

– Тебя по-прежнему устраивает наша договоренность?

Она попыталась увидеть его глаза, но Себастьян неожиданно отвернулся.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты постоянно настороже, – глядя в пространство, признался он. – Я хотел убедиться, что ты не передумала. Поэтому, когда увидел тебя бегущей по лужайке, решил во что бы то ни стало спросить.

Пульс девушки участился. Она не сомневалась, что Себастьян согласится расторгнуть помолвку, достаточно только ее слова. Но что ее тогда ждет – жизнь в одиночестве и тоска по бросившему ее мужчине? По крайней мере, они с Себастьяном не скрывают друг от друга истинных чувств. Ровена знала, что при должном старании они смогут построить хорошую семью. Надо только побороть страх при мысли о супружеском долге. Не слишком хорошо понимая, что делает, девушка порывисто притянула его голову к себе и крепко прижалась губами к его губам. Сначала Себастьян замер от удивления, но быстро справился с растерянностью и обнял ее.

Поцелуй становился все горячее, и Ровене захотелось вырваться, но она взяла себя в руки. Если узнать жениха получше, привыкнуть к вкусу его губ, она перестанет чувствовать себя неловко в его объятиях. Уже сейчас ее губы откликались на поцелуй, а внизу живота медленно разливалось томное тепло. Ровена робко провела ладонью по его груди, очерчивая твердые мускулы под рубашкой. Себастьян отстранился и, тяжело дыша, уткнулся лицом в волосы девушки:

– Ровена?

Вопрос повис в воздухе. Вместо ответа она, продолжая его целовать, скользнула на колени нареченного. Стянула с его плеч легкий летний пиджак и обвила руками его шею.

Себастьян целовался не спеша, словно наслаждаясь каждой секундой. «Целомудренно», – с удивлением отметила про себя Ровена и внезапно поняла почему. Он считал ее девственницей. Девушка замерла, но, когда он послушно отстранился, снова прижалась к его губам.

Рано или поздно он все равно узнает, и не стоит играть в игры, ведь их браку и так предстоит преодолеть немало преград. Им необходимо с самого начала быть честными друг с другом, если они надеются построить равные, уважительные отношения. Поэтому, хотя в горле стоял ком, Ровена развязала пеньюар и позволила легкой ткани соскользнуть с плеч. Затем одним движением сдернула через голову ночную сорочку и отбросила ее на землю, рядом со скамейкой. Не дожидаясь согласия, Себастьян подхватил девушку на руки и осторожно опустил на траву.

– Ровена, – простонал он. – Что ты делаешь?

Свежий ночной ветерок охлаждал обнаженную кожу, Ровена зябко поежилась. Еще сильнее прижавшись к Себастьяну, она с благодарностью наслаждалась его теплом. Да, она сознавала, что это крепкое мужское тело принадлежит не Джонатону, но еще отдающийся в ушах пульс музыки, возбуждение от побега из душной спальни и волнующее ощущение от его близости разметали все сомнения.

– Я не невинна, – прошептала Ровена в ямочку у горла.

Себастьян застонал, а девушка быстро расстегнула пуговицы на его рубашке и теснее прижалась к его груди.

Молодой человек провел ладонями по ее гладкой, бархатистой спине, и у Ровены перехватило дыхание. Себастьян перекатился наверх; она чувствовала, как он пытается расстегнуть брюки. Ровена выгнулась, мысленно поторапливая

события.

– Да, – прошептала она. – Да...

Но с языка чуть не сорвалось имя Джонатона.

Ее будто окатили ведром холодной воды. Внезапно нависшее над ней мужское тело вновь стало чужим. В спину упиралась колкая ветка. Что она делает? Как получилось, что ситуация зашла так далеко?

– Нет. Пожалуйста, остановись.

Ровена потянулась, нащупала брошенную ночную сорочку и прижала к груди.

С протяжным стоном Себастьян растянулся рядом. Она слушала его тяжелое дыхание, и глаза защипало от слез. Неужели она безнадежна?

Он прикрыл лицо рукой, и Ровена торопливо натянула сорочку, накинула пеньюар. Себастьян не шевелился. Тогда она сделала глубокий вдох и легонько коснулась его плеча:

– С тобой все хорошо?

– Да.

Себастьян сел. Девушка передала ему рубашку и отвернулась, пока он одевался.

– Только я не понимаю, что сейчас произошло.

– Прости, – покаянно выдавила Ровена. – Не знаю, что на меня нашло. Я просто хотела...

– Стоп! – Себастьян прижал палец к ее губам. – Не вздумай извиняться. Мы зашли слишком далеко, и ты правильно сделала, что остановила это. Следует подождать до свадьбы.

Ровена хотела сказать правду. Признаться, что действительно чувствует к нему влечение, но растеряна. Что до сих пор каждую ночь тоскует о Джонатоне. Но один взгляд на его доброе, искреннее лицо заставил ее крепче сжать губы. Себастьян перенес достаточно сердечной боли, и нечестно умножать ее излишними откровениями.

Впрочем, несмотря на смятение и разочарование в себе, Ровена также ощущала и огромное облегчение. Их недавний поцелуй никак нельзя было назвать просто дружеским, и теперь она точно знала, что когда-нибудь сможет разделить с Себастьяном супружеское ложе... Только не теперь.

Повинуясь порыву, девушка наклонилась и нежно поцеловала его в губы.

– А сейчас, мой дорогой будущий муж, расскажите, как вы собираетесь незаметно доставить меня обратно в дом?

* * *

Пруденс Уилкс торопливо поднималась по ступенькам квартиры в Кэмден-Тауне, удивляясь, что так быстро пролетело время. Ей нравилось встречать вернувшегося с работы мужа горячим ужином. Эндрю так выматывался после погрузки тюков, что с трудом держался на ногах. А если на столе не будет приготовленной еды, он, скорее всего, заснет в ожидании.

После поступления в Королевский ветеринарный колледж Эндрю стал работать с удвоенным рвением. Он ничего не говорил, но Пруденс знала, что ему не нравится жить на ее деньги. Эндрю трудился, не жалея себя, чтобы к осени, когда начнутся занятия, молодоженам не пришлось тратить небольшое наследство, оставленное матерью девушки.

Повернув в замке ключ, Пруденс вошла в душную квартиру и сразу же заторопилась к вентилятору – недавно она разорилась на дорогую покупку. Прибор годился только на то, чтобы разгонять по комнате жаркий воздух, но даже небольшой создаваемый им ветерок освежал. Немного. Уходя, Пруденс открыла все окна, но Эндрю не нравилось, когда в его отсутствие она оставляла открытой дверь. А квартира была такой длинной и узкой, что воздух просто не доходил из гостиной до дальней спальни; распахнутые настежь окна не

помогали.

Пруденс ходила в сад при церкви Святого Панкратия посидеть с книжкой в тени деревьев. Журчание воды в фонтанах создавало иллюзию прохлады, несмотря на стекающий по спине пот. Во всяком случае, там она чувствовала себя лучше, чем в удушающем зное квартиры. Пруденс старалась не вспоминать о прохладных, просторных комнатах мейфэрского особняка, где прошло ее детство. Та жизнь умерла вместе с сэром Филипом. Сейчас у нее новая жизнь, и, что ни говори, неплохая. Просто совсем иная.

Подойдя к небольшой тумбочке рядом с раковиной, Пруденс положила на нее купленный по дороге кусок льда, завернутый в мешковину. Приподняв угол обертки, она отколола небольшой кусок и кинула в стакан. Затем плотно завернула лед в мешковину и убрала в крошечный ледник. Налила в стакан воды, жадно выпила, налила еще и приступила к готовке. К духовке она сегодня не подойдет ни за что на свете. Остается надеяться, что Эндрю одобрит приобретенные в мясной лавке сосиски с холодным гарниром из свежих помидоров.

За готовкой молодая женщина вспомнила, что в кармане по-прежнему лежит письмо Виктории. Пруденс положила сосиски на сковородку, нарезала помидоры и красиво разложила на тарелке. Вряд ли кто-нибудь назвал бы ее хорошей кухаркой и хозяйкой, но, по крайней мере, она старалась.

Прихватив стакан с холодной водой, Пруденс присела у кухонного стола и распечатала письмо. Пробегая глазами наспех набросанные строчки, она слышала в голове недовольный, торопливый говорок названной сестры.

Милая моя Пру!

Я бы с радостью променяла все удобства Саммерсета на твою крошечную софу у окна. Как же я устала от постоянной опеки! Все вокруг не спускают с меня глаз, словно я могу рассыпаться в любой момент. Доктор сказал, что я совершенно здорова, астма меня больше не беспокоит благодаря снадобьям няни Айрис, и все равно суета не стихает!

Но перейдем к хорошим новостям. Я наконец-то зажала дядю Конрада в угол и потребовала назвать дату, когда смогу уехать из имения. Он же обещал, ты помнишь, но не спешит исполнить обещание. Но я-то не забыла разговор о собственной квартире в Лондоне. Элино́р уже присматривает подходящую.

До свадьбы остался целый месяц, но все только и говорят о ней день и ночь. Кажется, Ровена тоже уже слышать о ней не может, как и я. А бедняга Себастьян прячется каждый раз, когда завидит на горизонте тетю Шарлотту под ручку со своей матушкой.

Я так счастлива, что приняла решение никогда не выходить замуж.

Думаю, что Ро и Себу следует поступить так же, как вы с Эндрю: неделя на подготовку, быстрое венчание и отъезд!

Ну, теперь я могу надеяться на скорую встречу с тобой. Я собираюсь приехать в Лондон примерно через неделю, посмотреть найденные Элино́р квартиры. Дам тебе знать, как только уточню дату. И почему ты не поставишь у себя телефон? Это же так удобно!

Целую, Вик.

Пруденс отложила письмо. В груди боролись самые противоречивые чувства. Она обиделась бы на бестактное замечание о телефоне, но Виктория ничего не смыслила в деньгах и даже не догадывалась, что подруге такая роскошь просто не по карману. Так что винить ее не следовало.

Если не лгать себе, причиной тяжести в груди стало вовсе не это, а упоминание о предстоящей свадьбе.

А ведь она думала, что благополучно забыла о Себастьяне. Так и есть. Конечно забыла. Все равно у них не было ничего, кроме легкого флирта. Воспоминания о том единственном поцелуе Пруденс упорно гнала от себя. Разумеется, это не в счет.

Впрочем, если быть еще более честной, придется признать, что больше всего ее задевала не сама свадьба. Девушка не могла смириться с тем, что избранницей Себастьяна стала Ровена.

Ровена, чей беспечный договор с дядей привел к тому, что с Пруденс начали обращаться как с прислугой. Ровена, которая лгала и заметала следы, рассуждала о благих намерениях, но то и дело причиняла окружающим боль. Она считала Ровену сестрой, но столкнулась с предательством.

Такое трудно выбросить из памяти, это остается в сердце навсегда.

К реальности Пруденс вернул густой, едкий дым, идущий от сковороды. Сосиски!

Она вскочила из-за стола, опрокинув в спешке стул. Подхватила горячую сковородку, бросила в мойку и включила воду. Кухню затянуло густым дымом, в глазах защипало. И как она забыла об ужине, сидя всего в нескольких шагах от плиты?

По лицу покатились слезы. Дурацкие сосиски. Она ненавидела готовку. А сейчас, ко всему прочему, в глубине души закипала ненависть к Ровене.

Пруденс разрыдалась. Она даже не услышала, как открылась дверь, пока та с грохотом не захлопнулась.

– Надеюсь, ты горюешь не из-за моего ужина.

Эндрю поставил на стол судки, в которых обычно носил на работу обед, и прижал жену к себе.

Она положила голову ему на грудь и сглотнула слезы:

– Я такая неумеха. Ничего у меня не получается. – Она обвела рукой квартиру, но Эндрю понял и без слов.

– Но ведь тебя никто не учил этому. Домашние дела тебе в новинку, как мне работа в порту и жизнь в большом городе. Прояви капельку терпения, любовь моя.

Пруденс всхлипнула; слезы понемногу успокаивались и вскоре прекратились совсем. Она запрокинула голову и посмотрела в карие глаза мужа. Даже усталость не могла скрыть сияющую в них любовь, и никаких следов досады из-за испорченного ужина.

– Мне просто хочется справляться с домашними делами лучше, ради тебя.

– А мне хочется иметь достаточно денег и нанять служанку, чтобы она помогала тебе с черной работой. Но у меня их нет, так какой смысл нам сокрушаться о несбыточном?

Его голос был настолько нежен, что глаза Пруденс снова наполнились слезами.

Эндрю легонько встряхнул жену, умоляя прекратить потоп. Она рассмеялась и вытерла щеки:

– Но что делать с ужином?

– Все равно сейчас слишком жарко для готовки, – пожал плечами Эндрю. – Давай спустимся в паб за пивом и пирогом с почками. Пусть для разнообразия у плиты сегодня потеет кто-то другой.

Улыбнувшись сквозь слезы, Пруденс поцеловала мужа и побежала приводить себя в порядок. На пути в спальню она подхватила письмо от Виктории и бросила в печь, приказав себе никогда больше не вспоминать об этой свадьбе за много миль от Лондона. Она любит своего мужа, и неважно, что жизнь приняла несколько иной оборот, чем рисовалось в мечтах. Себастьян и Ровена остались в прошлом, и незачем постоянно возвращаться к нему.

Глава третья

По узкому коридору Виктория прошла за Элинор в просторную гостиную. Они осматривали первую из выбранных сиделкой квартир. В центре комнаты девушка остановилась и повернулась вокруг себя, внимательно оглядывая

обстановку. Гостиная – одно из самых важных мест в доме, ведь именно в ней протекает бо́льшая часть дня.

Деревянный пол нуждался в ремонте, но можно закрыть потертые места ковриками. Струящийся сквозь узкие высокие окна свет подчеркивал осыпающуюся со стен штукатурку и перегоревшие лампочки.

Сердце Виктории сжалось от тоски, но она решительно выпалила: «Берем!» – раньше, чем Элинора успела показать остальные комнаты.

– Ты же не видела еще другие квартиры, – засмеялась сиделка.

Но девушка ее не слушала.

Мистер Барри, стряпчий ее покойного отца, недовольно шмыгнул носом:

– Мне кажется, мисс Виктория, что вашему дяде этот адрес совсем не понравится. Юная леди права. Мы можем показать вам другие, более подходящие квартиры.

Мистер Барри решительно не одобрял даже самого выбора женщин вести самостоятельную жизнь, отвергая замужество, и уж тем более для Виктории, которую, при ее юности и родственных узах, такая жизнь безусловно опозорит в глазах света. Девушка понимала, что стряпчий помогает ей в поиске жилья только из уважения к памяти ее отца и в надежде на покровительство дяди, графа Саммерсета.

– А ты что думаешь? – спросила она Элинора после осмотра еще трех комнат.

Всего же квартира состояла из семи: гостиной, кухни, двух просторных спален, комнаты для служанки, ванной и небольшого кабинета с очаровательным, выходящим в парк эркером. Всю обстановку покрывал плотный слой пыли и патины, будто дом долгое время простоял пустым. Хотя, если верить мистеру Барри, старая хозяйка только недавно переехала к сыну. Видимо, она не сочла нужным произвести перед отъездом генеральную уборку.

От удивления голубые глаза Элинора стали еще больше.

– Надо же, какая огромная квартира, – сказала она, подбоченившись. – Нам придется целыми днями заниматься уборкой.

Услышав ист-эндский акцент, мистер Барри поморщился. Интересно, известно ли достопочтенному стряпчему, что Виктория познакомилась со своей новой подругой в тюрьме? Элинон работала там сиделкой, и ее доброта стала ярким маяком в черные, полные отчаяния дни. Помимо всего прочего, именно она известила семью Виктории о ее состоянии. И только потому, что рядом с племянницей постоянно будет находиться сиделка с медицинским образованием, дядя Конрад разрешил ей переехать в Лондон.

– Так мы найдем служанку, – заморгала Виктория.

– А, служанку. Точно. Какая же я глупая, – хихикнула Элинон. – Ну, что я тогда могу сказать – это место ближе к моей работе и приюту, где ты хочешь помогать, чем все остальные квартиры в списке.

У мистера Барри даже усы заколыхались от негодования.

– Право же, мисс Виктория, я считаю, что квартира в районе Бонд-стрит подойдет вам намного больше, да и...

Неприкрытое осуждение только раззадорило Викторию и разожгло ее врожденное упрямство.

– Нет. Нам с Элинон нравится эта. Она прекрасно подходит нам обеим. Не придется тратить много времени, чтобы добраться до работы, да и семья Элинон живет недалеко отсюда, в Уайтчепеле.

От удивления мистер Барри распахнул рот, но тут же закрыл, не произнеся ни слова, и девушка возликовала в душе от своей пусть маленькой, но победы. Они наймут служанку и сделают это место своим новым домом.

Она обретет свободу.

После того как стряпчий пообещал отослать необходимые бумаги на подпись дяде, а Элинон побежала на работу, Виктория получила возможность

познакомиться с окрестностями. Объявив шоферу, что хочет подышать свежим воздухом, она отправилась на прогулку пешком. Все равно далеко забрести не удастся, ведь она обещала Киту заглянуть в гости на чай.

Ближайшие улицы оказались довольно оживленными. Виктория заметила магазин тканей, ателье модистки, ресторан на открытом воздухе и книжную лавку – все в пределах короткой прогулки от дома. Большинство прохожих были неплохо одеты, пусть и не по последней моде. Девушка дошла до поворота и заметила остановку метро дальше по улице.

Виктории не терпелось начать самостоятельную жизнь. Сейчас она понимала, что желание заниматься ботаникой было не чем иным, как последней попыткой не терять связи с покойным отцом. Да, она любила ботанику, но гораздо больше мисс Бакстон интересовало подробное изучение свойств растений, особенно их применение во врачебной практике. Сильнее же всего ее одолевало стремление нести в мир добро, сделать его лучше. Пока придется удовольствоваться преподаванием в приюте. Кит дразнил ее добродетельной занудой, но кому какое дело до его мнения?

Чем больше она осматривалась, тем крепче росло в душе убеждение, что район довольно уютный. Он совсем не напоминал Мейфэр, где выросли девочки Бакстон, но и здесь можно чувствовать себя счастливой. Воспоминание о любимом с детства доме нагнало грусть, и Виктория повернула обратно, к ожидающему ее автомобилю. Дядя Конрад принял мудрое (для себя) решение и после смерти брата перевез племянниц в фамильное имение, а лондонский особняк сдал в аренду. Так что теперь в светлом, милом доме, где Виктория прожила столько счастливых моментов, хозяйничали американцы – без сомнения, шумные, неаккуратные и абсолютно не ценящие выпавшее им счастье.

К особняку Киттреджей в Белгравии Виктория подъезжала в подавленном настроении. Не так она представляла себе знакомство с матерью Кита. Перед встречей с умной и экстравагантной миссис Киттредж следовало быть в лучшей форме.

Виктория подождала, пока шофер не откроет ей дверь, и сделала глубокий вдох. Дом Киттреджей, в отличие от строгого, полного достоинства лондонского дома ее дяди, был довольно вычурным и явно рассчитанным на то, чтобы производить впечатление. Киттреджи не так давно купили себе путь в высший свет и, как

многие нувориши, обожали сорить деньгами. Особняк занимал почти целый квартал и включал в себя каретную, где теперь Киттреджи держали автомобили, и конюшни на заднем дворе.

Дворецкий проводил Викторию в гостиную. При виде дам, чинно сидящих в гостиной, у Виктории оборвалось сердце. Она поискала глазами Кита, но кислое выражение на лице друга расстроило ее еще больше. Самой миссис Киттредж в салоне не было.

Увидев ее, Кит с явным облегчением вскочил:

– Виктория, как я рад тебя видеть! Ты наверняка знакома с миссис Гертрудой Асквит, леди Элизабет Рейнхард, леди Элоизой Каш и миссис Женевьевой Балфур.

Девушка кивала, не переставая улыбаться, то и дело бросая на Кита вопросительные взгляды.

– Как поживаете? Сегодня ужасно жарко, не правда ли?

Она обращалась ко всем собравшимся, но при последнем замечании Кит так и подскочил, будто ухватившись за спасительную соломинку:

– Очень жарко! Позволь принести тебе лимонада?

– Очень мило с твоей стороны, благодарю.

Виктория посмотрела на софу, где оставалось свободное место. Конечно, поддержка друга не помешает, если придется пить чай в окружении этих светских матрон, которые, без сомнения, уже знали о ее заключении. Но стоит ли подавать Киту ложные надежды? Впрочем, другое свободное место было между миссис Асквит и леди Каш, а такого соседства Виктория бы точно не вынесла.

Она присела на софу и отгородилась от женщин рассеянной вежливой улыбкой. Те не сводили с юной гостьи взглядов, в которых под различной степенью любопытства читалось въевшееся годами неодобрение. После некоторого

раздумья Виктория отнесла его к своему наряду, ведь она посмела оскорбить благородные чувства дам простой саржевой юбкой для прогулок и белой кружевной блузкой с коротким рукавом. Только сейчас девушка вспомнила, что скинула жакет в машине и оставила его там.

– Как продвигается подготовка к свадьбе вашей сестры, дорогуша? – осведомилась миссис Асквит.

На даме было вычурное платье-кимоно из шелка табачного цвета, но больше всего Викторию поразила соломенная шляпа с приколотой на тулье коричневой птицей, подозрительно похожей на настоящую. Оставалось только надеяться, что это не чучело.

С трудом отведя взгляд от несчастной птички, Виктория сказала:

– Просто чудесно. Хотя они с женихом решили немного отодвинуть дату.

Леди Каш осуждающе зацокала языком:

– Мне помнится, они уже второй раз откладывают свадьбу.

Все женщины разом пригнулись вперед, в предвкушении свежих сплетен. Виктория невольно вжалась в спинку софы:

– Да. Видите ли, старшая сестра Себастьяна вот-вот должна родить, а он очень хочет, чтобы она присутствовала на церемонии.

Леди Каш разочарованно выпрямилась. Остальные гости переглядывались, словно спрашивая друг у друга, не стоит ли отчитать юную нахалку за дерзость.

– Держи, – сказал Кит, подходя к ним и протягивая ей стакан с лимонадом.

Виктория с благодарностью приняла у него напиток и взглядом указала на соседнее место – если уж она попала на линию огня, то и Киту так просто не отделаться. Кит прекрасно ее понял и присел рядом с горестным выражением человека, идущего на эшафот. Девушка недоумевала, зачем ее вообще пригласили на это скучное чаепитие. И где миссис Киттредж?

– Вы приехали в Лондон с тетушкой? – поинтересовалась леди Балфур.

После глотка холодного лимонада и в присутствии Кита Виктория воспряла духом и невольно перешла на легкомысленный тон, которым обычно прикрывалась от тети Шарлотты:

– Нет. Я тут сама по себе. Присматриваю квартиру.

Брови солидной дамы изогнулись.

– Зачем, господи помилуй?

– Переезжаю в Лондон, меня здесь ждет работа. Буду помогать в благотворительном приюте Роджерса. На добровольных началах.

Леди Рейнхард, до сих пор хранившая молчание, громко охнула, и даже мертвая птица на шляпке миссис Асквит с упреком уставилась на девушку.

Кит рядом закашлялся, чтобы скрыть смех, что только раззадорило Викторию.

– В жизни не слышала ничего подобного! – воскликнула леди Каш.

– Представьте себе, – кивнула Виктория. – Начну самостоятельную жизнь. Со мной будет жить сиделка, с которой мы познакомились в тюрьме.

В салоне повисла звенящая тишина. Женщины бросали друг на друга красноречивые взгляды, словно не знали, как вести себя после этих слов. В конце концов, Виктория приходилась племянницей внушающей страх и уважение графине Саммерсет, а отец девушки носил рыцарское звание.

– Шокируешь моих гостей, Виктория?

Все головы разом повернулись на низкий обворожительный голос миссис Киттредж. Едва перевалило за полдень, и хозяйка дома красовалась в синем, отделанном кружевом, утреннем платье, словно это был наряд для вечерних торжеств. Как обычно, она предпочитала немного восточный стиль туалета:

низкий лиф и широкие рукава-кимоно. Роскошные темные волосы были зачесаны назад, а дерзкая прямая челка подчеркивала бархатные миндалевидные глаза. На губах ее играла веселая улыбка, но во взгляде Виктория ясно прочитала обращенное к ней предупреждение. Да, она не против непринужденной беседы, но переступить границу дозволенного не разрешит никому.

И Виктория прекрасно все поняла. Пропуск в высшее общество миссис Киттредж получила благодаря состоянию своего мужа, и ее положение в свете всегда было довольно сомнительным. Она славилась неординарным поведением, но никогда не нарушала основных правил. А сейчас, после смерти мужа, когда аристократы больше не могли получать доходы от его дела, положение ее стало как никогда шатким.

Виктория последовала примеру Кита и поцеловала миссис Киттредж в щеку.

– Прошу прощения за опоздание, – извинилась миссис Киттредж. – Меня задержали неотложные дела. Благодарю, что откликнулись на приглашение. И где же этот нерадивый дворецкий с чаем?

Словно в ответ на ее слова, в дверях появился дворецкий, с легким позвякиванием толкая перед собой тележку с чайными принадлежностями.

– Виктория, дорогая, будь добра, налей нам чаю. Гертруда, где вы нашли такую пикантную шляпку? В жизни не видела ничего подобного.

Виктория разливала чай со всем изяществом, на какое была способна. Рядом нервно ерзал Кит. Он ненавидел приемы и избегал их как чумы. Виктория никак не могла взять в толк, зачем миссис Киттредж затеяла это странное чаепитие?

Она передала другу чашку.

– Будешь у меня в долгу, – прошептала Виктория.

Кит ответил дерзкой ухмылкой:

– Так ты нашла квартиру?

Дамы тут же замолчали, прислушиваясь к разговору молодых людей.

– Ну да, в Челси.

– Челси, – презрительно фыркнула леди Балфур. – Там же полно опиумных притонов и на каждом шагу безработные актеры.

Виктория радостно закивала:

– О, как вы меня обнадежили! Это ужасно интересно! Вы знали, что Перси Биши Шелли курил опиум?

И по памяти прочитала:

Опился я влаги медвяно-хмельной

Роз, распутившихся под луной.

С чашами, полными дивным нектаром,

Феи летают над замком старым[1 - «Вино фей», перевод А. Ибрагимова.].

– Bravo! – выкрикнул Кит, хлопая в ладоши, и Виктория с достоинством кивнула.

Миссис Киттредж бросила короткий взгляд на сына.

– Ну что ж, – сказала она и, откашлявшись, многозначительно уставилась на Викторию. – Когда вы с Китом собираетесь объявить о помолвке?

Виктория замерла с поднесенной к губам чашкой.

– Мама!

В голосе Кита звучало искреннее возмущение, но Виктория все равно разозлилась. Наверняка это он все подстроил. Иначе почему его мать решила, что надвигается помолвка? Да как он вообще посмел ей внушить, что дело идет к свадьбе?!

Миссис Киттредж элегантно повела плечами, и гости замерли, боясь упустить хоть слово.

– Вполне справедливый вопрос. Вы неразлучны уже несколько месяцев.

У Виктории голова пошла кругом. Нарисованный в уме образ матери Кита со звоном разлетелся на мелкие осколки. Судя по всему, эта женщина ни в грош не ставила свою репутацию, если ее не смущал семейный скандал в присутствии светских сплетниц.

– Никакой свадьбы не предвидится, – довольно резко сказала она, поднося чашку к губам; напиток отдавал дегтем и предательством. – Мы всего лишь друзья. К тому же я не верю в институт брака. – Сделала глоток и продолжила: – И даже если я решу когда-нибудь выйти замуж, то уж точно не за Кита. – Она отставила чашку, выдавила глухой смешок и пригвоздила молодого человека взглядом. – Уверена, Кит считает так же. Ведь мы практически как брат и сестра. Еще чая? Нет? Очень хорошо. Прошу прощения за ужасную бестактность, но боюсь, мне пора идти. Надо повидаться со стряпчим и подписать бумаги на мою холостяцкую квартиру.

Виктория встала, и Кит подскочил, как чертик из табакерки.

– Я тебя провожу, – заявил он, спотыкаясь о ковер при поспешном отступлении из салона.

После прощания с дамами, в нарастающем беспокойстве при мысли, что слухи о ее поведении очень скоро дойдут до тети, Виктория последовала за Китом в вестибюль. Как только молодые люди оказались вдали от любопытных глаз и ушей, Виктория сжала кулачок и изо всех сил стукнула Кита в плечо.

– Эй! – Он потер больное место. – За что, черт возьми?!

– За то, что выставил меня на посмешище!

– Не представляю, о чем ты говоришь!

Виктория снова замахнулась, но Кит перехватил ее руку и легко удерживал, сколько бы она ни вырывалась.

– Зачем ты сказал матери, что хочешь на мне жениться? Я же много раз говорила, что не пойду замуж. Может, ты заодно попросил ее припереть меня к стенке на глазах у этих сплетниц, чтобы унижить? Или, еще хуже, вынудить меня согласиться? Какой ты после этого друг? Ни один мужчина не опустится до подобной низости.

– Разумеется, я сказал матери, что хочу на тебе жениться. Это не секрет, хотя порой я сам перестаю понимать, зачем стремлюсь связать свою жизнь с ненормальной! – выкрикнул Кит, не желая сдаваться.

Виктория обиженно отдернула руку. Ни за что на свете она не допустит, чтобы кто-то контролировал ее жизнь, и не откажется от свободы ради глупых обычаев. Особенно сейчас, когда строгому надзору дяди вот-вот придет конец.

– Не важно, хочешь ты на мне жениться или нет. Я уже ответила тебе, и не единожды: нет.

Кит стиснул зубы, и при виде боли на его лице у Виктории сжалось сердце. Сама того не желая, она растрогалась. Захотелось протянуть руку и погладить его по щеке, чтобы смягчить причиненную обиду.

– Ты выразила свои намерения предельно ясно. Но я почему-то надеялся, что ты передумаешь.

Виктория ахнула, моментально позабыв о жалости:

– Да это вы не в своем уме, сэр! Да еще и эгоист в придачу!

Ей захотелось вlepить ему пощечину, лишь бы стереть с лица это самодовольное выражение, но вместо этого она резко развернулась и зашагала прочь.

– Значит, мы не пойдем завтра на русский балет?

Виктория остановилась и посмотрела через плечо. Кит стоял, прислонившись к стене и скрестив на груди руки. В голубых глазах поблескивал веселый огонек. Какой же он невыносимый насмешник! Словно прочитав ее мысли, молодой человек с чувством процитировал:

Что дружба? Легкий пыл похмелья,

Обиды вольный разговор,

Обмен тщеславия, безделья

Иль покровительства позор?

Александр Пушкин! Да как он смеет обращать ее собственное оружие против нее самой?! Это ее привычка – подкреплять свои слова цитатами великих людей. Виктория рванула на себя ручку двери, но вдогонку донеслось:

– Я пришлю за тобой автомобиль в семь.

– Не стоит беспокоиться. У меня есть своя машина.

Какое самомнение! Естественно, она никуда не пойдет. Ни за что! Но пока шофер открывал дверцу и усаживал Викторию в автомобиль, решимость ее на глазах таяла. Кит купил билеты в ложу, а Виктория обожала русский балет.

Глава четвертая

Прикрыв глаза от утреннего солнца, Ровена сидела в шезлонге на огромной лужайке Саммерсета. Потягивая чай со льдом, она перебирала в уме все не сделанные к свадьбе приготовления.

После романтического фарса с Себастьяном стена вялого оцепенения, возведенная Ровеной вокруг себя, рухнула. Она стряхнула долгий сон и почувствовала, что готова к новой главе своей жизни. Возможно, тетя права, и умная женщина действительно может получить свободу только в хорошем браке. А ведь замужество за Себастьяном открывает прекрасные перспективы,

даже если этот союз не сулит ей жаркой страсти.

Поэтому впервые после помолвки Ровена искренне ждала дня свадьбы – правда, пока всего лишь как средства для достижения своих целей. Она уже с нетерпением представляла себе, как станет хозяйкой Эддельсон-Холла, пусть даже особняк и уступал величию Саммерсету. Но больше всего ее радовало то, что в качестве свадебного подарка Себастьян заказал ангар для личного аэроплана будущей супруги. Воспоминания о Джонатоне возвращались все реже и не несли с собой обжигающей боли; скорее, теперь при мысли о пилоте ее охватывало лишь сожаление о потере.

Давно пора забыть прошлое и заняться своей жизнью.

Рядом с Ровеной непривычно тихая тетя Шарлотта лениво перелистывала страницы журнала, с другой стороны прилегла Элейн. Виктория и Элинор отправились в Лондон обставлять новую квартиру. По счастливому виду сестры Ровена поняла, что та вернется в поместье не раньше чем за неделю-другую до свадьбы. До намеченной даты торжества оставалось всего шесть недель.

Солнце закрыла тень, и Ровена подняла глаза из-под широкополой соломенной шляпы, которая защищала от загара ее бледную кожу. Тетя Шарлотта не уставала повторять, что выходить к алтарю со смуглым или, не дай бог, облупившимся лицом недопустимо.

– Колин! – закричала Элейн, вскочила с кресла, и брат подхватил ее в объятия. – Что ты тут делаешь? Я думала... – Элейн оборвала фразу и бросила опасливый взгляд на мать.

Ровена тоже искоса рассматривала графиню в ожидании ее реакции. Прошло уже больше недели с того дня, как кузен наконец-то решился сообщить родителям о поступлении в армию, и тетя Шарлотта в мелодраматическом порыве изгнала его из родного дома.

– Я послала за ним, – спокойно заявила леди Саммерсет.

– Так и знал, что ты не сможешь жить без меня, – ухмыльнулся Колин.

Только ему дозволялось дразнить мать и оставаться безнаказанным.

– Не льсти себе. Твой отец уговорил меня позволить тебе вернуться. Очевидно, он решил, что я приняла поспешное решение.

– Признайся, мама. Ты же будешь по мне скучать.

Графиня ответила отнюдь не деликатным фырканием:

– На самом деле я умоляла отца прибегнуть к связям и избавить тебя от совершённого безрассудства, но он решил, что армия пойдет тебе на пользу. И хотя я согласна, что в твоей жизни отчаянно недостает дисциплины, не сомневаюсь, что нашлись бы и иные способы, достойные твоего титула и не грозящие смертельной опасностью. – Леди Шарлотта театрально вздохнула. – И почему даже взрослые мужчины так любят играть в солдатиков?

Последняя фраза адресовалась Ровене и Элейн, но те знали, что лучше промолчать.

Графиня погрозила сыну изящным пальчиком:

– Вы еще пожалеете о своей глупости, молодой человек, помяните мои слова.

– Да, мама, – вздохнул Колин.

– Посидишь с нами? – с надеждой предложила Элейн. – Я попрошу слугу, чтобы принес тебе шезлонг.

Брат покачал головой:

– Нет. Хочу поговорить с отцом. Я получил назначение, отцу хотя бы интересно, куда меня определили. – Он бросил на мать многозначительный взгляд, который она проигнорировала.

– Мне тоже интересно, – подала голос Ровена.

Колин казался довольным собой и горделиво оглаживал унылый зеленоватый кавалерийский мундир, будто вечерний костюм от лучшего портного.

– Перед вами офицер Первого королевского драгунского полка. Меня откомандировали в Лакнау.

Леди Шарлотта снова фыркнула – судя по всему, назначение сына ее не впечатлило.

– Как чудесно! – воскликнула Ровена.

На самом деле она не знала, можно ли считать отправку в Индию хорошей новостью, но ей хотелось загладить недовольство его матери.

– Тогда мы приедем к тебе в гости! – захлопала в ладоши Элейн.

Тетя Шарлотта поднялась с шезлонга:

– Возможно, ты наконец-то сможешь найти себе в Лакнау мужа, милая. Уверена, в этой глуши мужчины не особо привередливы.

Графиня развернулась и вальяжно зашагала прочь, будто только что не вонзила в сердце дочери ядовитую стрелу.

Глаза Элейн налились слезами ярости.

– Не расстраивайся, Лейни. – Колин обнял сестру за плечи. – Она сердится на меня, но вымещает злость на тебе.

Девушка ответила горьким смехом:

– Какая разница. Я никогда не могла ей угодить. Да и как? Ведь мне не повезло родиться мальчиком.

Ровена беспокойно заерзала:

– Уверена, что она тебя любит. Просто тетя не умеет открыто выражать свои чувства.

– Тем не менее с Колином у нее почему-то не возникает трудностей. По крайней мере, в большинстве случаев. Сейчас она, конечно, зла на него. – Элейн передернула плечами. – Давно пора перестать удивляться тому, что? она говорит, но иногда мама застаёт меня врасплох. Какая глупость! Но хватит, я не собираюсь портить приезд любимого брата слезами о том, чего не изменишь. – Она взяла Колина под локоть, а другую руку протянула Ровене. – Пошли, найдем спиртное и выпьем за моего брата – самого симпатичного подпоручика Первого драконьего... или драгуньего.

Ровена встала и взяла протянутую руку. Молодые люди зашагали по широкой ухоженной лужайке к стеклянным дверям зимнего сада.

– Ты приедешь на свадьбу? – обратилась она к Колину. – Иначе придется искать замену, но, боюсь, мисс Аннализе Уоткинс это придется не по вкусу.

– Не беспокойся. Родители не позволят мне пропустить свадьбу. Ни твою, ни мою собственную.

Элейн потрясенно остановилась и стукнула брата кулачком по плечу:

– Ах ты жук! И кто невеста?

Колин со смехом вырвался:

– А ты не догадываешься? Аннализа, кто же еще!

– Когда вы успели? Вот хитрюга, она и словом не обмолвилась! – поразились Ровена.

Элейн радостно взвизгнула:

– Обожаю Аннализу! В любом случае я рада, что ты не сделал предложение Дафне. – Элейн сморщила носик при упоминании фаворитки Каверзного комитета.

– Дафне? Ну уж нет. На таких барышнях не женятся. К тому же матушка от нее бы и косточек не оставила.

– И когда ты собираешься сообщить родителям?

– Отцу я уже сказал. Это одна из причин моего приезда. Он считает, что известие о помолвке смягчит гнев мамы.

– Вряд ли что-то способно ее задобрить.

Реплика Элейн прозвучала сухо, но Ровена уловила затаенную обиду. На миг Ровена задумалась: а как сложились бы ее отношения с матерью? Та умерла вскоре после рождения Виктории, так что от нее остались лишь смутные воспоминания, но Ровена хорошо знала отца, а его избранницей могла стать только любящая, особенная женщина. Сердце сжималось от боли за кузину, даже радость за Колина несколько поугасла.

– И когда вы планируете свадьбу?

– Вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Мы с Аннализой предпочли бы обойтись без пышной церемонии, но ты же знаешь маму. Она будет настаивать, а мы не хотим ждать. После начальной подготовки меня переведут в Индию, и лучше бы обвенчаться до отъезда, чтобы Аннализа могла переехать ко мне, как только приведет в порядок дела. – Колин остановился и посмотрел на Ровену умоляющим взглядом. – Может, вы с Себастьяном согласитесь на совместную свадьбу?

Элейн восторженно ахнула и тут же зажала рот рукой с таким потешным выражением лица, что Ровена невольно рассмеялась.

– Чудесно! – сказала она. – Мы пойдем к алтарю все вместе! Конечно, надо еще спросить Себастьяна, но мне кажется, он не станет возражать.

Колин с чувством сжал ее руку:

– Спасибо, Ровена! По времени подходит просто изумительно. И, что самое замечательное, свадьба готовится с размахом, так что мама не будет

чувствовать себя обделенной.

На радостях Элейн, идущая между ними, исполнила джигу:

– Нет, самое замечательное то, что мама на время забудет обо мне. Ха! – Она взяла под руки Колина и Ровену. – Давайте скорее позвоним Аннализе и обрадуем ее хорошими новостями. Пусть тоже приезжает – будем вместе составлять планы!

Из зимнего сада, где как раз накрывали к полуденному чаю, донесся крик и звон разбившейся чашки.

– Прощай очередная горничная, – отметила Элейн. – Матушка терпеть не может, когда бьют фарфор.

Но тут в воздухе повис тонкий вой, от которого у Ровены упало сердце. Все трое ускорили шаг, влетели через открытые настежь двери в зимний сад и, как один, пораженно замерли при виде представшей сцены.

Ровена с трудом верила своим глазам. Всегда хладнокровная, суровая и невозмутимая, тетя Шарлотта безвольно висела в объятиях мужа, а из ее открытого рта вырывались нечленораздельные причитания.

Заметив молодых людей на пороге, графиня укоризненно вскинула руку.

– Глупый мальчишка! – закричала она сыну. – Глупый, глупый мальчишка!

В комнату вбежала Гортензия, личная камеристка тети Шарлотты, и бережно подхватила графиню под локоть.

– Отведите госпожу наверх, – приказал дядя Конрад. – Я скоро зайду ее проведать. Если потребуется, накапайте немного настойки опия.

– Не поможет, ничто не поможет, – рыдала леди Саммерсет, пока камеристка чуть ли не силой выводила ее из зимнего сада.

Неведомо откуда возникла потрясенная служанка и принялась убирать с красных плиток пола осколки.

Ровена чувствовала, как рядом дрожит Элейн, Колин побелел как полотно. Они еще никогда не видели, чтобы графиня Саммерсет потеряла самообладание. Ни разу.

– Это из-за моей свадьбы? – встревоженно спросил Колин.

Дядя Конрад покачал головой, и Ровена заметила, что на его лбу блестят капельки пота.

– Нет. Я сообщил твоей матери кое-какие новости, но не думал, что она так тяжело их воспримет. Даже не подозревал.

Голос графа прервался, и Элейн ринулась к отцу:

– Что случилось?

Только сейчас Ровена заметила, что лорд сжимает в кулаке скомканный лист бумаги. Девушка не отрываясь смотрела на белый краешек в его руке, пытаясь угадать страшные новости, которые довели тетю до истерики и отпечатались на лице дяди суровой покорностью судьбе.

Граф Саммерсет разжал кулак и тоже посмотрел на бумагу:

– Мы только что объявили войну Германии.

Ровена вытянулась, Элейн потрясенно охнула. Колин застыл, как статуя.

Даже служанка, на коленях собиравшая осколки чашки, замерла и подняла голову.

– Зачем мы это сделали? – наконец выговорила Элейн.

– Лейни, разве ты не читаешь газеты? Австрия объявила войну Сербии. Германия вторглась в Бельгию. Все это один запутанный клубок разных коалиций. – Колин повернулся к отцу. – Не думал, что Германия выступит против Бельгии.

Ровена смотрела то на дядю, то на кузена. В груди нарастал ужас.

– Я думала, Бельгия объявила нейтралитет, – сказала она.

Дядя кивнул, глядя перед собой потухшими глазами:

– И все страны посыпались, словно карточный домик.

Элейн повернулась к брату, страх и смятение омрачали ее милое лицо.

– И что теперь будет? Ты не поедешь в Индию? Я ничего не понимаю...

– Я должен вернуться в Лондон, – обратился к отцу Колин. – Пока не могу сказать, куда меня определят. Если начнется мобилизация, Первый драгунский, скорее всего, отзовут из Индии.

Элейн всхлипнула, и Ровена сжала руку двоюродной сестры.

Дядя Конрад кивнул, хотя казалось, что его мысли далеко отсюда.

– Не забудь попрощаться с матерью. Она очень расстроена, знаешь ли, – недовольно добавил он, будто молодые люди только что не наблюдали собственными глазами нервный срыв его жены. – Потому что любит тебя и переживает за твою безопасность. Война – это не игрушки, мой мальчик.

Колин сжал на прощание плечо отца и вышел из комнаты. Граф кивнул девушкам и последовал за сыном.

Ровена и Элейн так и остались стоять, взявшись за руки.

* * *

Мир сошел с ума, другого объяснения у Пруденс не было. Казалось, всего за одну ночь в Лондоне, словно из ниоткуда, появились тысячи солдат. Молодая женщина старалась отгородиться от картин и звуков надвигающейся войны, но пронзительные голоса мальчишек-газетчиков на каждом углу кричали о последних вестях с поля боя.

Видимо, война способствовала расцвету газетного дела.

Пруденс выбрала фунт чая и поморщилась при виде ценника. В первые недели после объявления войны люди в панике скупали все, что попадалось под руку. Товары стремительно исчезали с прилавков, цены взлетели до небес. Хотя сейчас сумятица немного улеглась, торговцы не спешили упускать прибыль, и Пруденс беспокоилась, что придется снова воспользоваться сбережениями, иначе им просто нечего будет есть. Эти деньги были отложены на обучение Эндрю в ветеринарном колледже, но сейчас Пруденс волновало не это. Больше всего на свете она боялась, что Эндрю уйдет на фронт.

Новости о сражении при Монсе потрясли всех. Пруденс знала, что сама мысль о том, что королевская армия отступает перед германским натиском, не дает Эндрю покоя. Каждый вечер она боялась, что он придет домой и сообщит, что записался добровольцем. Эндрю не тот человек, чтобы сидеть сложа руки, пока соотечественники отдают свою жизнь за короля.

И что тогда станет с их мечтами и надеждами?

Последней остановкой стала лавка зеленщика на первом этаже дома, где была их квартира. Пруденс выбрала луковицу, несколько фунтов картошки, упругий кочан капусты, пучок моркови и положила в корзину, поверх чая и небольшого куска грудинки, на который раскошелилась у мясника. Готовка пока давалась с переменным успехом, но Мюриэль, старшая подруга и наставница, научила ее тушить мясо с овощами, и даже Пруденс не могла их испортить.

У подножия лестницы Пруденс остановилась, почувствовав внезапную дурноту. И почему летом Кэмден-Таун кажется намного жарче Мейфэра? Она тяжело переносила жару и страдала головными болями и приступами головокружения. В последнее время они случались все чаще. Эндрю настаивал, чтобы сегодня она отдохнула, но кто тогда сходит за покупками и приготовит обед? Конечно, Пруденс не стала говорить это вслух. Эндрю и так переживал, что они не могут

позволить себе нанять служанку.

Пруденс оперла корзинку для продуктов о бедро и с осторожностью поднялась по ступенькам. Открыла дверь и чуть не споткнулась от неожиданности, увидев сидящего у кухонного стола Эндрю. При виде его решительно сжатых губ и умоляющего взгляда она не на шутку испугалась.

Странное головокружение вернулось, но Пруденс не поддавалась слабости. Прислонилась к дверному косяку, прикрыла на миг глаза и приготовилась услышать новости.

– Ты сегодня рано вернулся.

– Да.

Эндрю поднялся со стула и взял у жены корзинку. Поставил на стол и принялся методично, как делал всю работу, разбирать покупки. Пруденс наблюдала за ним с порога.

В ушах звенело от долетавших через открытое окно уличных звуков и ровного жужжания вентилятора, но Пруденс не спускала глаз с мужа. Она знала, что предстоит услышать, и внезапно больше всего на свете ей захотелось оттянуть неизбежное.

Головокружение прошло, и Пруденс медленно вошла в комнату, захлопнув входную дверь. Не спеша помогла мужу разложить остаток продуктов.

– Я хотела приготовить сегодня мясо с овощами. Ты же любишь рагу.

– Люблю. Пруденс... – В низком голосе Эндрю звучали виноватые нотки.

– Тогда налей в кастрюлю воды и поставь на плиту.

Не дожидаясь ответа, Пруденс проскользнула в ванную и налила в крохотный тазик немного воды. Она еле сдерживала слезы и не хотела, чтобы Эндрю их видел, потому что он собирался бросить ее и уйти на войну, и ничего с этим уже не поделаешь. Через две недели начинались занятия в Королевском

ветеринарном колледже, но и учеба его не удержит. Все, ради чего они трудились со дня своей неожиданной свадьбы, в одночасье потеряло смысл.

По щекам побежали слезы. Снова ее покидает любимый человек. Сначала оставила мать, потом сэр Филип, затем Ровена. Вот и Виктория вступила в новую, увлекательную жизнь, где не нашлось места для Пруденс. Она и замуж вышла за Эндрю, потому что верила: он никогда не бросит ее. Никогда.

А сейчас и он уходит.

Пруденс побрызгала на лицо холодной водой и вытерла глаза. Распустила волосы, хорошенько расчесала и скрутила в незамысловатый пучок. Сделала глубокий вдох и вышла из ванной, навстречу неизбежному.

Эндрю стоял посреди комнаты, безвольно опустив руки. Пруденс еще никогда не видела его в такой растерянности и, хотя сердце щемило от боли, твердо решила не показывать своего смятения. Лучше ему не знать. По всей Британии сейчас женщины прощались с дорогими им мужчинами. Не стоит добавлять Эндрю новых тревог, пусть идет на войну со спокойным сердцем.

– Пруденс...

Она подошла к мужу и взяла его за руки. От тяжелой работы кожа на его пальцах огрубела, но Пруденс знала, какими сильными и нежными бывают эти руки, когда обнимают ее. Она наклонилась и поцеловала мозоли на его ладонях.

Эндрю прижал ее к себе, и Пруденс со вздохом втянула воздух:

– Я знаю, родной, все знаю.

– Так надо, Пру.

В груди медленно разгорался жар обиды. Надо? Кому? Не ему и не ей, это уж точно. Королю? Стране? Пруденс с усилием подавила растущий гнев. Споры не остановят Эндрю, впрочем, как и слезы. Древнее, как само время, чутье подсказывало, что ничто уже не свернет его с выбранного пути.

– Когда? – зарывшись лицом в его грудь, спросила Пруденс.

– Пока не знаю. Я записался только сегодня. Добровольцев много, поэтому пока там неразбериха, но я уже знаю, что меня отправят в Солсбери на учения.

Пруденс кивнула – комок в горле мешал говорить. Эндрю приподнял ее подбородок, пытливо заглянул в глаза. После побега из Саммерсета и горькой правды о своем происхождении Пруденс цеплялась за Эндрю как за последнюю опору. И сейчас она не хотела разжимать объятия, словно надеялась удержать его.

– Спасибо, – произнес он.

– За что?

Эндрю не ответил. Лишь наклонил голову и прижался губами к ее губам. Она ответила на поцелуй со всем отчаянием, которое способно породить горе, словно хотела на прощание сохранить в своем сердце воспоминание о родном человеке.

Глава пятая

Войдя в квартиру, Виктория бросила сумочку на маленький столик в прихожей. Даже после танцев до рассвета на светских балах ноги у нее не болели так сильно.

– Сюзи! – крикнула она. – Будь добра, сжался надо мной! Принеси чашку чаю и таз с водой для ног.

Служившая когда-то посудомойкой и лишь благодаря счастливой случайности произведенная в личные горничные, Сюзи с радостью оставила Саммерсет и леди Шарлотту, чтобы стать экономкой у Виктории и Элинора. Теперь она обедала с девушками за одним столом, спала в теплой, чистой постели и получала полный выходной раз в неделю. Хотя Лондон до сих пор пугал маленькую служанку, в целом ее жизнь переменилась к лучшему, и Сюзи

почитала Викторию за святую.

– Не следовало задерживаться допоздна, мисс, – откликнулась из кухни девушка.

Виктория услышала плеск и с облегчением поняла, что вскоре ее натруженные ноги будут отмывать в горячей воде, приправленной лавандой и солями для ванны.

– Так уж получилось, – ответила она и прошла в просторную гостиную, на ходу снимая форменную пелерину.

Они с Элинон прожили на новом месте чуть больше месяца, но квартира уже заметно преобразилась. Сначала им самим приходилось заниматься уборкой, затем Виктория послала за Сюзи, и та помогла с оставленным напоследок сложным ремонтом – покраской стен и штукатуркой. Обстановка представляла собой эклектичную смесь роскошной мебели из мейфэрского особняка и потрепанных, но дорогих сердцу Элинон вещей. На спинку голубой, отделанной золотом чиппендейловской софы было наброшено стеганое одеяло, сшитое бабушкой Элинон. Виктория находила подобное смешение очаровательным и на редкость уютным.

– Они заставляют тебя слишком много работать, – услышала она голос Элинон, которая лежала на кушетке возле окна.

– Я не знала, что ты дома, – удивилась Виктория. – И уж кому-кому, но не тебе упрекать меня в излишнем трудолюбии. Ты пришла домой в два часа ночи и ушла, когда я еще спала.

– Весь день обучала твоих коллег – добровольцев из медицинских отрядов. Чем больше помощников, тем меньше работы на мою долю.

Виктория фыркнула и с наслаждением рухнула в красное кресло с высокой изогнутой спинкой.

– Можно подумать, ты станешь больше отдыхать.

Элино́р вступила в Красный Крест в качестве наставницы и обучала молодых женщин азам первой медицинской помощи и ухода за ранеными. С фронта поступали тысячи нуждающихся в лечении солдат; приходилось открывать временные госпитали в общественных центрах и частных домах. Если не подготовить в скором времени смену добровольцев, сестер милосердия начнет не хватать.

– Я же уволилась из тюремной больницы, – возразила она.

– Только когда положение стало совершенно безвыходным.

– А сама? Целый день учишься, потом по просьбе раненых пишешь письма их родственникам, а ночью гуляешь с Китом. Как твоя сиделка, я вынуждена заявить протест.

Виктория усмехнулась. В последнее время они с Элино́р сблизились, как родные сестры.

– Я прекрасно себя чувствую, и мне ничего не угрожает, если не бегать и не простужаться. Ты сама это знаешь.

Сюзи внесла в комнату поднос с чайником и миниатюрными сэндвичами.

– Вы хотите сказать, мисс, что не подхватите простуду, хотя целый день ухаживаете за больными?

Виктория взяла протянутую служанкой чашку и несколько сэндвичей с тарелки.

– Благодарю тебя, прелестное создание. Я работаю с ранеными, а не с больными, так что перестань ворчать. Пруденс, Ровена, Элейн и Элино́р по очереди пытались отговорить меня от помощи Красному Кресту, и все безрезультатно. Тот приют, где я собиралась помогать, если ты помнишь, превратили в дом для выздоравливающих солдат, так что пришлось изменить планы. Я делаю то, что должна. – Для убедительности Виктория взмахнула чашкой и чуть не разлила чай.

Сюзи недовольно хмыкнула и вышла из комнаты, а Элинон наградила подругу усталой улыбкой.

В прихожей звякнул дверной колокольчик. Элинон начала подниматься, но Виктория замахала на нее руками:

– Сюзи откроет. Ты же на ногах не держишься.

– Да уж, – призналась Элинон и с облегчением улеглась обратно на кушетку. – Никогда не думала, что у меня будет домработница, чтобы открывать дверь. Я уже говорила, что обожаю нашу квартиру?

– Всего дюжину раз за последнюю неделю.

– Этого мало.

– Чего мало? – спросила вошедшая в гостиную Пруденс.

– Пру! – Виктория протянула руки для объятия, не вставая с кресла. – Я бы поприветствовала тебя, как полагается, но даже не могу встать от усталости. Сюзи! Принеси еще чаю!

– Вы еще будете указывать, как мне делать мою работу! – донесся из коридора ответный крик.

– Какова дерзость! – с улыбкой откликнулась Виктория и обратилась к Пруденс: – Что привело тебя в Челси? Хотя зачем искать повод. Я всегда рада тебя видеть!

Одним из наиболее весомых плюсов переезда в Лондон было то, что Виктория стала снова регулярно видеться с Пруденс. А сейчас, когда Эндрю уехал на учения в Солсбери, Пруденс стала частым гостем в квартире, которую Кит в шутку обозвал курятником.

Виктория пристальнее взгляделась в лицо Пруденс. Под глазами у нее залегли тени, она казалась осунувшейся даже несмотря на то, что щеки чуть округлились.

– Помимо желания побыть в твоём драгоценном обществе? – поддразнила Пруденс после того, как поздоровалась с Элино́р. – Если честно, я пришла попросить об одолжении.

Сюзии принесла гостье чашку и помогла Виктории снять туфли.

– О каком одолжении? – удивилась Виктория, так как Пруденс редко обращалась с просьбами, даже в детстве.

Пруденс присела на бархатную софу и аккуратно поставила чашку на низкий столик.

– Ты говорила, что Колин служит в Первом королевском драгунском полку? Когда его отправляют в часть?

Маленькая служанка втащила дымящийся паром таз с водой, и Виктория, морщась, опустила туда ноги.

– Точно не знаю. Полк сейчас отозвали из Индии. Не удивлюсь, если их отправят во Францию или в Африку, куда-нибудь к черту на кулички. А в чем дело?

Пруденс уставилась в чашку, словно пыталась прочитать будущее по чайным листьям. Глядя на нее, Виктория уже не сомневалась, что причина, заставившая ее прийти к ним, очень серьезна.

Когда Пруденс подняла голову, в ее зеленых глазах стояла мольба. У Виктории комок застрял в горле – так сильно сейчас Пруденс была похожа на Ровену. Поверить невозможно, что они выросли бок о бок и никто не подметил семейного сходства.

– Я не хочу, чтобы Эндрю отправляли на фронт. Да, это эгоистично, но он должен вернуться домой живым. Я хотела попросить, чтобы ты поговорила с Колином – может, он сумеет что-то сделать. Все же он из хорошей семьи, к нему должны прислушаться. Пусть Эндрю отправят на конюшни. Ему понравится работать с лошадьми и не придется воевать.

Страх за мужа исказил ее красивое лицо. Пруденс прикрыла глаза и с усилием втянула воздух. У Виктории от жалости защемило сердце.

– Конечно, я его спрошу. Не знаю, обладает ли Колин влиянием, но я поговорю с ним как можно скорее.

Пруденс открыла глаза и улыбнулась вымученной улыбкой.

– Спасибо, – только и произнесла она.

– О чем ты? Я для тебя что угодно сделаю, ты же знаешь. Хочешь печенья? Сюзи! У нас еще осталось мое любимое, с шоколадным маслом?

Служанка убежала за печеньем, а Виктория снова повернулась к Пруденс, твердо намереваясь ее развеселить.

– Ты давно видела Кейти? – спросила она, чтобы сменить тему.

Пруденс с облегчением вздохнула, и некоторое время подруги сплетничали об общих друзьях, пока в гостиную не вернулась Сюзи с яркой жестяной банкой, где хранилось печенье.

Протянув руку за угощением, Пруденс вдруг побледнела и оттолкнула банку. В следующую секунду она зажала рот рукой и бросилась вон из комнаты. Виктория недоуменно заморгала. Она хотела было последовать за Пруденс, но вспомнила, что до сих пор держит ноги в тазу.

– Я схожу к ней. Может понадобится холодный компресс, – заявила Сюзи и, взволнованно нахмурившись, вышла из гостиной.

– Что это с ней? – Виктория повернулась к Элиноর. – Ты должна помочь, ты же медсестра.

В ответ Элиноর с хитрой улыбкой покачала головой:

– Чтобы ее вылечить, нужно подождать девять месяцев.

– Девять месяцев? Как это? – И тут Виктория в изумлении распахнула рот. – О!

– Хотя, если подумать, в ее случае осталось месяцев семь, не больше.

Виктория вскочила с кресла, расплескав воду. Не задерживаясь, чтобы вытереть ноги приготовленным полотенцем, она пронеслась по комнате, поскользнувшись на голом участке пола, на ходу удержала равновесие и бросилась к уборной в конце коридора. У двери стояла Сюзи с мокрой тряпкой в руке. Не обращая на нее внимания, как и на доносящиеся изнутри рвотные позывы, Виктория забарабанила в дверь:

– Я стану тетей, да? Пруденс?

В ответ донесся звук очередного спазма и слабый голос:

– Может быть...

– Ура!

Виктория обхватила служанку за талию и запрыгала в импровизированной полке. Через несколько минут из уборной появилась бледная Пруденс. Сюзи передала ей тряпку, а Виктория бережно обхватила за плечи и помогла дойти до гостиной.

– Как давно ты знаешь и почему сразу мне не сказала? Если бы не твой несчастный вид, я бы ужасно разозлилась за такую скрытность!

– Обычно о подобных вещах не объявляют, – покраснела Пруденс. – К тому же я заподозрила совсем недавно, когда меня стало тошнить каждое утро без видимой причины.

– Бедняжка! Из нас троих только ты всегда следовала традициям.

– Какой уже срок? – спросила Элинора, когда общими усилиями Пруденс удобно устроили на софе.

– Точно не знаю, но мне кажется, что ребенок должен родиться в конце апреля или в начале мая.

Сюзи принесла свежий чай и вытерла разлитую на полу лужу. Виктория уселась в кресло и лучезарно улыбнулась:

– Подумать только! Ребенок! – Тут ей пришла в голову неожиданная мысль. – А Эндрю знает?

Пруденс покачала головой:

– И я не хочу ему говорить. По крайней мере, пока идет военная подготовка. Зачем его тревожить понапрасну, ведь он все равно не сможет ничего сделать. Не хватало только, чтобы муж переживал за меня, когда вокруг идет яростная схватка, пусть и учебная.

– Вот почему ты не хочешь, чтобы он отправлялся на фронт, – понимающе закивала Виктория.

Пруденс прикусила губу:

– Я не переживу, если с ним что-то случится. То есть я и раньше не выдержала бы, а сейчас, с ребенком...

– О, дорогая! – Виктория придвинулась к ней и прижала к себе. Впервые она чувствовала, что Пруденс ждет от нее утешения, а не наоборот. – Колин обязательно поможет. Конец войны Эндрю встретит живым и здоровым. Еще бы, ведь ему предстоит менять пеленки!

Пруденс хихикнула, на что и был расчет.

– Представь себе мужчину, который меняет пеленки!

В дверь постучали, из прихожей донеслись шаги и голос Сюзи. Виктория поднялась как раз вовремя – в комнату решительной походкой входил Кит. После неудавшегося чаепития у миссис Киттредж молодые люди общались друг с другом с подчеркнутой вежливостью. Ни один из них не вспоминал о том дне,

но бывшая легкость меж ними, когда они с удовольствием обменивались дружескими словесными пикировками, исчезла.

– Я стану тетей! – выпалила Виктория, едва Кит переступил порог.

Увидев его округлившиеся от удивления глаза, она засмеялась:

– Да нет же! Я не о Ровене с Себастьяном! Я о Пруденс!

– Ох! – На лице Кита мелькнуло облегчение. – Хорошо, особенно учитывая, что они снова отложили свадьбу. Поздравляю. – Последнее с вежливым кивком было адресовано Пруденс.

– Спасибо, – сказала Пруденс, вставая, потом попрощалась со всеми и ушла.

К величайшему смятению Виктории, через несколько минут она осталась с Китом наедине.

«Незачем было беспокоиться, – обиженно подумала девушка. – И почему все так мечтают сделать из нас пару?»

Кит налил им чая из оставленного Сюзи чайника, занял место на софе, где только что сидела Пруденс, и скрестил длинные ноги. Виктория поневоле отметила, как ему идет оливковый мундир, и ее охватило внезапное раздражение.

– С трудом верится, что богини судьбы решили сделать тебя тетей, – заметил Кит.

Сейчас он, как и прежде, говорил с легкой насмешкой, и Виктория решила ответить тем же.

– Почему? Думаешь, из меня не получится хорошей тети? – возмутилась она. – Только представь, как я покачиваю малыша на коленке и читаю ему стихи и сказки!

Кит задумчиво наклонил голову:

– Возможно, ты действительно станешь хорошей тетей... Остается надеяться, что Господь не вздумает сделать тебя матерью.

– Ха! Наконец-то мы пришли к согласию. Благодарю покорно, но материнство – приключение не для меня.

– И не для меня. То есть отцовство, – поправился в ответ на насмешливый взгляд Виктории Кит. – Ты знаешь, что я имел в виду.

Виктория подняла свою чашку с чаем в шутливом тосте:

– А почему ты здесь, вместо того чтобы сражаться с немцами или австрийцами?

– Хочешь поскорее избавиться от меня? На самом деле я явился с чрезвычайно важным поручением. Послезавтра уезжает Колин. Меня послали сообщить, что завтра утром состоится его с Аннализой свадьба.

Виктория прикрыла ладошкой рот:

– Завтра? А что говорит тетя Шарлотта?

– А что она может сказать? – пожал плечами Кит. – Война многое меняет, и Колин с Аннализой не хотят ждать. Особенно после того, как быстро призвали Себастьяна и его свадьбу опять пришлось отложить, у них не осталось выбора. Себастьян понятия не имеет, когда получит увольнительную, и Колин не хочет рисковать. Вдруг с ним и Аннализой случится то же самое. Твои тетя с дядей и Ровена приедут поездом к началу церемонии, а сразу после венчания будет устроен праздничный завтрак.

Виктория вдруг почувствовала, как в воздухе разливается волна грусти, окутывая ее легким облаком.

– Все наши друзья уезжают. Сначала призвали Себастьяна. Теперь Колина. Даже Эдвард и остальные мальчишки уехали. Вскоре Каверзный комитет лишится всех своих мужчин.

– Война не продлится долго, – бодро откликнулся Кит.

– Ты же сам этому не веришь. – (Он вздохнул и покачал головой.) – Вот и я тоже. Я читаю газеты и вижу, что написано между строк. Кажется, будто весь мир сошел с ума.

Виктория с горечью процитировала Роберта Саути:

Раскайся, Генрих, твой захват

Моей земли жесток!

Раскайся вовремя и знай,

Суд Божий не далек[2 - Роберт Саути. Генрих V и Отшельник из Дрё. Перевод А. Лукьянова.].

– Да, только вот кто тут Генрих и на чью голову должен обрушиться суд Божий, вот в чем вопрос, – проговорил Кит.

– Любой из вождей, – пожала плечами Виктория. – Или все они, вместе взятые. Старики за коньяком и сигарами придумывают военные стратегии, словно шахматные комбинации, а наших друзей посылают в чужие страны навстречу смерти.

На миг в гостиной воцарилась тишина.

– Виктория, на следующей неделе меня отправляют во Францию.

У Виктории перехватило дыхание. Она замерла, не в силах пошевелиться. За время разговора свет, льющийся в окна, потускнел, но Виктория хорошо различала умное печальное лицо друга. Что-то дрогнуло в сердце, и ей нестерпимо захотелось обнять Кита и утешить, как ранее Пруденс.

– Кит, – ласково позвала она.

Он глядел на нее с такой тоской, что Виктория едва не расплакалась.

В комнату вошла Сюзи и начала зажигать небольшие газовые лампы.

– Прошу прощения, что прерываю вашу беседу. Но вы же не хотите сидеть в темноте?

Момент был потерян.

– Останешься на ужин? – спросила Виктория.

Она сама почувствовала, как фальшиво прозвучало это приглашение, и никак не могла понять, почему ей так неловко.

Должно быть, Кит тоже услышал неискренность в ее голосе, потому что сразу поднялся:

– Нет. Я должен встретиться в клубе с друзьями. Мне пора уходить.

Виктория поднялась, и Кит в недоумении уставился на ее босые ноги.

– Мы тут не придаем значения формальностям, – покраснела девушка.

– Боже, храни неформальные курятники. Увидимся утром?

– Да, где?

– Мы встречаемся в доме твоего дяди в девять и оттуда все вместе отправляемся в церковь.

Прощание получилось непривычно официальным, и Виктория обрадовалась, когда он ушел. Хотя в последнее время Кит и раздражал ее, она ничего не могла с собой поделать и ужасно скучала по нему, а ведь он еще даже не уехал.

Один Бог знает, как она переживет его отъезд.

Глава шестая

Стоя у алтаря рядом с Аннализой, Ровена смотрела, как жених с невестой произносят брачные клятвы, и думала, когда же поженятся они с Себастьяном. Надо же было такому случиться, что именно теперь, когда она после долгих сомнений наконец-то решилась на этот шаг, богини судьбы словно сговорились всячески мешать ей.

При каждом взгляде на будущего мужа карие глаза Аннализы лучились любовью, да и Колин смотрел на невесту не отрываясь. От тоски и сожаления у Ровены заныло сердце. Вот так должно быть. Безоблачное счастье и блаженная уверенность, что отныне и до конца жизни они будут неразлучны.

После церемонии все семейство, включая родителей и младшую сестру Аннализы, отправилось в «Кобург», где гостей ждал элегантный свадебный завтрак. Высокие, от пола до потолка, зеркала, отделанные резьбой колонны, накрахмаленные белые скатерти и тончайший белый с позолотой споудский фарфор создавали праздничное настроение. Украшенный флердоранжем, папоротником и лилиями стол был заставлен блюдами со сдобными булочками, копченой рыбой, свежими фруктами, пряными почками и ветчиной. За столь короткое время тете Шарлотте с матерью Аннализы удалось сделать невозможное. Поразительно, как быстро и радикально все изменилось. Грядущая свадьба Ровены и Себастьяна готовилась уже несколько месяцев, в то время как это импровизированное венчание очаровывало своей простотой и заметными с первого взгляда чувствами между женихом и невестой.

Виктория оживленно беседовала то с матерью Аннализы, то с тетей Шарлоттой – по сути, со всеми, кроме Кита. Тот держался с несвойственной ему сдержанностью и был на удивление молчалив. Ровена не понимала, что происходит, но знала, что спрашивать младшую сестру бесполезно. На расспросы о Ките Виктория и в лучшие времена отвечала уклончиво.

Ровена болтала с гостями, наслаждалась экстравагантной роскошью ресторана, поднимала тосты за счастье молодоженов, но не могла избавиться от ощущения пустоты в груди и чувства невыносимого одиночества. Ей отчаянно не хватало Себастьяна. Он всегда был верным другом, и за последние месяцы, когда Ровена начала приходить в себя после расставания с Джонатоном, их дружба только укрепилась, чему способствовало и постоянное обсуждение грядущей свадьбы.

Ровене не хватало его теплой близости и спокойного, ненавязчивого юмора. Забавно, как сильно она, оказывается, привязалась к Себастьяну.

Молодожены наконец-то уехали из ресторана, и Виктория принялась уговаривать Ровену зайти в ее лондонскую квартиру. Ровена знала, что сестре не терпится показать, как она обустроила новый дом, но отказалась, пообещав не откладывать визит надолго. Почему-то мысль о том, что Виктория стала независимой молодой женщиной и ведет самостоятельную жизнь, нагоняла тоску. Младшая сестра вступила в ряды добровольцев и училась на сестру милосердия, чтобы самоотверженно помогать раненым, сама вела свои дела, в то время как Ровена томилась в семейном поместье и праздно ждала, пока вернется домой жених. Как банально и предсказуемо. Отец не для этого вложил столько сил в ее воспитание.

Ровена снова подумала, как было бы хорошо, если бы ее аэроплан стоял где-нибудь поближе к Саммерсету. Внезапно она вспомнила об ангаре, который начал строить для нее Себастьян. Интересно, как продвигается строительство? Почему бы ей не проверить самой? Ведь вскоре она станет хозяйкой Эддельсон-Холла. Мать Себастьяна всегда тепло встречала будущую невестку. Ровена почувствовала, как в сердце нарастает волнение. Решено. Она немедленно договорится о визите и съездит посмотреть на свой свадебный подарок.

Через неделю Ровена уже стояла в огромной передней Эддельсон-Холла и слушала непринужденную болтовню леди Биллингсли, матери Себастьяна.

– Я так рада твоему приезду, милая. Должна признать, что без Себастьяна тут довольно одиноко, так что я хотела кое о чем с тобой поговорить за чаем. Я попросила повара приготовить бисквитный торт. Он знает, что сейчас не стоит утруждать себя десертами, если я не жду гостей. Ты же знаешь, какой сладкоежка наш Себастьян.

Ровена и не подозревала об этом, хотя невесте следовало знать пристрастия своего нареченного. Ей стало стыдно. Неужели она всегда думала только о себе?

После чая Ровена сказала будущей свекрови, что хочет посмотреть, как продвигается работа над ангаром.

– Боюсь, мне нечем тебя обрадовать, дорогая. Большинство молодых людей ринулись в армию, а те, кто остался, нужны для работы в поместье. Время от времени они принимаются за строительство, но сама понимаешь. Но я тебя уверяю, как только закончится война, его сразу же достроят.

Когда садовник подвез Ровену к месту, где в будущем должен был появиться ангар, она совсем приуныла. Себастьян решил построить его вдалеке от конюшен и пастбищ, чтобы рев самолета не пугал животных. Он удачно выбрал расположение: сарай прилегал к холму, перед которым простиралось длинное поле для взлета. Здание планировалось достаточно большим, чтобы в нем поместился аэроплан и у одной стены еще осталось место для стеллажей с инструментами и запасными деталями. При мысли о предусмотрительности жениха сердце Ровены переполнилось нежной благодарностью. Но рабочие успели закончить только фундамент; каркас выделялся на фоне зеленой листвы обглоданным скелетом. Вся надежда, что в ближайшем времени удастся перевезти сюда аэроплан, испарилась.

Погостив в поместье несколько дней, Ровена обнаружила, что ей очень нравится жить в Эддельсон-Холле. Особняк намного больше напоминал дом, где она выросла, чем Саммерсет. Просторные, полные воздуха комнаты были устроены для удобства, а не для того, чтобы произвести впечатление. Поместье строилось позже Саммерсета, и Ровена с удовольствием отметила, что его обитатели пользуются всеми необходимыми для жизни завоеваниями цивилизации. Себастьян успел провести по всему дому центральное отопление, водопровод и электричество, не забыв и о комнатах для прислуги.

Ровена начала привыкать и к матери Себастьяна – властной женщине под стать тете Шарлотте. Вскоре девушка осознала, что сможет обрести в этой семье свое счастье. Особенно если ее аэроплан будет рядом.

Повинуясь порыву, по дороге обратно в Саммерсет она попросила шофера сделать крюк и заехать туда, где держал свои самолеты мистер Диркс. Ровена слышала, что великан получил крупный заказ от правительства на детали для аэропланов и очень занят. К счастью, она знала, где хранится запасной ключ для работников, и, оставив перед ангаром водителя с автомобилем, вошла в низкую заднюю дверь.

В огромном, похожем на пещеру ангаре стояло всего два самолета. При виде «Летучей Алисы» сердце сладко заныло. На этом аэроплане Ровена впервые

поднялась в воздух. Прикрыв глаза, она снова увидела, как светлеют кристаллики облаков, и почувствовала тот захватывающий дух миг, когда самолет выныривает из туманного покрывала в слепящее голубое небо. Ровена провела пальцами по пыльному крылу «Летучей Алисы», вспоминая то ощущение волшебства, которое всегда охватывало ее во время полетов. В то время она считала, что причиной упоительного блаженства была лишь близость Джона, но сейчас поневоле задумалась, а не приняла ли она на самом деле свою любовь к небу за любовь к этому человеку.

Ровена вдохнула запахи масла, бензина и соломы и заново перенеслась в тот день, когда впервые поднялась в воздух сама. Из-за спешки ей пришлось действовать опрометчиво: узнав, что Джон на нее обижен, она приняла спонтанное решение догнать его в воздухе. Тем не менее, хотя порыв и был необдуманным, Ровена отлично справилась с самолетом. Но что толку вспоминать прошлое? Джонатон ушел из ее жизни навсегда.

В груди защемило. Тяжело дыша, Ровена выскочила из ангара и заперла за собой дверь. Для чего она приехала сюда? Зачем будить недавно утихшую боль?

Потому что она скучала по своему аэроплану. Неожиданно для себя Ровена приняла решение: пусть даже она рискует встретиться здесь с Джоном, но ей просто необходимо всегда иметь под рукой ее «Виккерс». К тому же эта встреча может и не произойти. Ангар выглядел запущенным, словно сюда давно никто не приходил. Завод мистера Диркса находился в Кенте, и, если верить слухам, компанию завалили заказами, так что вряд ли у них есть время на испытание новых аэропланов. Сразу по возвращении домой она позвонит мистеру Дирксу. Ровена была уверена, что великан разрешит ей пользоваться ангаром. Он больше всех поддерживал ее, когда она захотела научиться управлять самолетом.

Обрадованная, Ровена завернула за угол, к автомобилю, и остановилась как вкопанная, увидев девочку, которая приближалась к ангару верхом на красивом крупном скакуне.

Наездница натянула поводья и пристально посмотрела на Ровену. У той заколотилось сердце. Но девочка взгляделась в ее лицо и быстро развернула лошадь.

– Кристобель, – тихо окликнула Ровена.

Девочка натянула поводья, но головы не повернула. Она сидела в седле, прямая, как тростинка. Темные длинные волосы, прикрытые шляпкой для верховой езды, струились по спине.

Ровена обошла лошадь и встала перед Кристобель. На лице девочки читалась смесь тоски и гнева. Они были совсем не похожи с Джонатоном. Младшая сестра унаследовала от отца темные глаза и волосы, в глазах Джона светилась синева неба, где он жил, а его рыжеватые волосы выдавали шотландские корни. Зато упрямое выражение лица девочки подчеркивало семейное сходство.

– За последние месяцы я много раз вспоминала о вас, – произнесла Ровена. – Надеюсь, у тебя и твоей матушки все хорошо.

Ее саму покорило то, как официально это прозвучало, но внезапное появление Кристобель застало ее врасплох. До этой минуты она и не задумывалась, насколько остро отзывается в душе разлука с Джоном.

– У нас все хорошо, – натянуто ответила девочка. – Хотя какая вам разница.

Трагедия с самоубийством отца и потеря семейного состояния по вине Бакстонов изолировали Кристобель от общества. Ровена знала, что девочка считала ее другом и, без сомнения, чувствовала себя преданной, когда Ровена неожиданно исчезла из ее жизни.

– Это несправедливо, – сказала Ровена. – Как я могла поддерживать нашу с тобой дружбу, если Джон не захотел меня больше видеть? Ведь он ясно дал мне понять, что наши отношения закончились.

– Джон? А кто говорит о Джоне? За все лето он навещал нас дважды и оба раза вел себя как настоящая бука. Так что ничто не мешало вам провести нас. Либо пригласить меня в гости. Вы же обещали взять меня на охоту.

Темные глаза Кристобель смотрели на нее с укором, и Ровена ощутила угрызения совести. Она действительно обещала.

– А что бы сказал Джордж?

Девочка покачала головой:

– Никому не интересно его мнение. К тому же его тоже нет дома. Он ушел в армию, как и Джон.

– Джонатон в армии? – У Ровены сжалось сердце. – Я не думала, что он отправится на войну. Ведь сейчас как раз взлетел спрос на аэропланы.

– Он поступил в Королевский летный корпус. – Темные брови Кристобель угрюмо нахмурились, и девочка заерзала в седле. – Я не должна была вам этого говорить.

– Все в порядке. Спасибо, что сказала. Послушай...

Ровена внимательно смотрела на девочку; с их последней встречи Кристобель заметно повзрослела. Когда-то Ровена думала, что это очаровательное создание станет ее сестрой, и открыла ей свое сердце. А ведь с сестрой Себастьяна она до сих пор едва знакома – та жила в Ковентри, и все ее время поглощали дети. Сердце Ровены снова заняло от чувства потери. И от сожаления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzh-braun/vesennnee-probuzhdenie/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Вино фей», перевод А. Ибрагимова.

2

Роберт Саути. Генрих V и Отшельник из Дрё. Перевод А. Лукьянова.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/t-braun/vesennnee-probuzhdenie-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)